

СМЕНА

№ 5 МАРТ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**ДВИГАТЕЛЬ,
СТАВШИЙ
СИМВОЛОМ
СОРЕВНОВАНИЯ**

“ПЕРВЫЙ”

Она высокая, спортивного склада молодая женщина. На ней едва слышно трещит платье. На кабинетного ученого не похожа. Писать умеет, увлекается цветной фотографией. В науку давно уже, прошло время аспирантуры, а Нестерова геохимиком считается — только своим, стратегами — только стратегами. Он родился в 1932 году.

Интервью — старый жанр. Спрашиваешь человека о его жизни, о его современном и думаешь, что ты своими вопросами вызываешь ответ. А это не так. Человек всегда сам задает вопросы, сам себя судит. Интервью — только вынужденное событие. Новое. По-моему, и нашей беседе пошел бы все один-единственный вопрос: «Как вы знаете, доктор Нестерова? По сути, это выходит интервью у самого себя. В скором ли человек подводит итог совершенному.

— Еще в детстве мне хотелось открыть какую-то тайну земли. Мы жили в Свердловске, а на Урале сказки Баюны были, казалось, частью реальной жизни. Неподобная от нас на речка Калновова работала дара. Я пришел в геологический кружок при Дворце пионеров. Помню, как необыкновенно подвешивало на меня, что мы за день намывали в старых отвалах старателей целую пригорю щихма с золотом.

На первом курсе Свердловского горного института я почувствовал, что геология станет делом моей жизни. Один студент привел с собой много растений. Их отдали на анализ в геологической лаборатории, и оказалось, что это естественно лигнинированные руды с высоким содержанием железа. Я и еще двое ребята добьлись, чтобы в зимнее каникулы нас послали на разведку. Нам дали две тысячи рублей, инструменты, и мы отправились. Страшно хотелось найти месторождение. Вполне возможно, что мы видели себя в мечтах героями. Две недели провели в тайге. Чтобы оттаяла земля, непрерывно жгли костры. В леске-пильную лес в поспатам вырыли семь шурфов глубиной до четырех-пяти метров. Спустились в них на лопатке. Я сейчас представляю, как мы нарушали технику безопасности. Нам пришлось вылезать в эти шурфы. Спал мороз. Он сковал пильную. Теперь, с точки зрения зрелого человека, думаю, что я любой работой можно найти интерес. А тогда — только геология! Мы строили фантастические гипотезы, нас охватывало чувство, что мы в преддверии открытия. Возникала как-то неясная, томительная жажда — иснить. Кому она знакома, тот знает ее власть.

Руду мы не нашли... Впрочем, дело было уже не в этом. Летом я уехал на Соколовско-Сарбайское месторождение железных руд, проработал там на всех должностях — от младшего рабочего до мастера.

— Говорят, ВАШЕ ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ СЛУЖБА СЛОЖИЛАСЬ НАСЧАСТЬЕ. ВЫ РАНО НАШЛИ СЕБЯ.

— Так не имеет ли это исключение. Например, Александр Канторович из Новосибирска защитил докторскую в тридцать четыре, как и я. Правда, он узкий специалист, геохимик...

Почему именно он? Чистое биогравитационное, внешнее воздействие помогает. Он просто слышит

ком общий план, который при мелании легко переносится и на других людях; научное студенческое общество, первые самостоятельные работы и публикации. Тысячи прокладок тут есть. Однако что делает именно Нестерова — анализировать «Заслуженным», а не него-то другого?

Иван Измаилов, наш институт «ЗапсибНИИ», считается главным по разведке нефти и газа в Западной Сибири. Сейчас, когда известно, что крупнейшие мировые месторождения находятся буквально у нас под ногами, какие проблемы встают перед вами в первую очередь? Что теперь надо искать?

— Общайтесь, если думаете, что в Западной Сибири все открыто. Мы занимаемся прогнозированием нефтяных и газовых месторождений, и работы в этом направлении у нас преобладают. В шестидесят пятую год предполагали найти максимум пять — семь крупных месторождений, а сейчас их уже больше тридцати пяти. Я считаю, что до сих пор нефтяная геология во всем мире развивалась односторонне. Как и всякая наука, она прошла определенные этапы развития. Сначала увеличилась поисковая поверхность закономерности. Если, положим, в Алпах бурили в северо-западном направлении, то находили нефти больше, чем при поперечном бурении. В Тихом же обнаруживали нефтяные фонтаны только на холмах, а у подножия ничего не находили. В большинстве случаев нефть встречалась в поднятых подземном рельефе (а антиклиналях). С тех пор уже сто лет геологи руководствуются антиклинальной теорией разведки. Почему я говорю, что односторонно? Это время комплекс научных методов, технологии лабораторных исследований по изучению вод, пород, нефти и газа ушел далеко вперед, осуществляется совершенными, сверхточными приборами. Но сама разведка ведется по антиклинальной теории. Разубирались все антиклинальные подраб в надежде на успех. А она мог быт, могло его и не быт. Развитие геологии сдерживала простая экономическая причина: дефицит нефти. Пробывали 100—200 скважин, тратили огромные деньги, но вдруг в последний находили нефть — и все сразу кончалось. Какая же тут удача науки! В том-то и беда, что ее эффективность не измерялась эффективностью производства. Производством как случил, когда разведка и наука шли только по двум параллельным эволюционным геометрии. В пятидесятых годах ученые определили, что наиболее перспективны для поисков Север и Центр Западно-Сибирской изменчивости. В 1953 году открыли Березовское месторождение. Наука при этом не первертировалась и стояла на своем. Однако производственники начали работы. За тридцать лет потратили 100 миллионов рублей и разведали 200 миллиардов кубометров газа. С 1960 по 1972 год на Север разведано свыше 10 триллионов кубометров при том же объеме бурения.

Сейчас такая же обстановка на Севере, в Западно-Нижнем округе. Нефти нашли пока мало, но мы уже учеными. Теперь производственники на нашей стороне.

— ВЫ ИХ ВСЕ-ТАКИ УБЕДИЛИ?

— Ничья упрямца. У нас коэффициент добычи нефти — 60 процентов. Нефти, открытые месторож-

дений для науки, как ни парадоксально это звучит, не есть мера успеха. Для нее главное не что, а как. Она призвана открывать принципы, нормы, правила, объяснять, каков есть мир. Любая наука — это поиск и прогноз. Люди всегда хотели ясности и, по возможности, определенности в будущем. Я убежден, что геология уже созрела для качественных перемен. Мы не должны гадать по антиклинальной теории, а вести бурение там, где доказано наличие нефти. Это не мечта, а я не скрываю ее из скважин. Надо теоретически предвидеть формирование месторождения и на основании опыта и тех результатов, которые сегодня дает геология, составить логико-математическую модель. Она основана на генетическом принципе возникновения нефти и газа из рассеянного в земной коре органического вещества. В уравнение входит несколько десятков параметров, внутри них наименьшие зависимости, и поэтому современной математике оно, к сожалению, не под силу. Говорят, ссылался на аннексия Колмогорова, что такие модельные зависимости научатся решать только в следующем веке. Но можно создать огрубленную формулу.

Новую методику мы уже проверяем: девязность процентов надежности.

Разве это мало? Мы исследовали массу материала, а по закону статистики чем больше выборка, тем больше возможность достичь максимальной точности. Теперь мы будем внедрять новую методику.

— ВЫ УБЕВЕРИЛИ В НЕФТЬ? — Да, иначе бы я и не занимался этим. Я верю в нее — она генетически обоснована. Нигде в мире таких генетических моделей в конкретной отрасли еще не создавали. Она позволяет там, где нет еще никаких буровых работ, дать прогноз месторождения.

— ПОЧЕМУ ВАМ, ОДНОМУ ИЗ САМЫХ МОЛОДЫХ ГЕОЛЮГОВ, УДАЛОСЬ СОЗДАТЬ ЕЕ?

— Прогнозирование — основа геологии. И кто-то всегда должен быть первым. Обычно это молодые.

Выйти из общей колеи и искать свой путь. На третьем курсе Свердловского горного Нестерова решила перейти с отделения поисков и разведки рудных на вновь открытое — геологии нефти и газовых месторождений. Разведка нефти сложнее, чем руда, и это его заинтересовало. Дедан запретил переход, оставив слабую надежду: «Если сейчас сессия на отличие, тогда подумай». Нестерова получила оно, перешла его четыре раза. В последний раз, получив ошибку в произношении одного слова и не добившись своего, он покаял, что перевод не со-

С лауреатом Ленинской премии доктором геолого-минералогических наук Иваном Ивановичем НЕСТЕРОВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Святослав РЫБАК

стоится. Нестеров пошел и ректору и добился своего.

На первом году аспирантуры Нестеров должен был провести геологическую съезду в Северной Казахстане. В институте на это не нашлось денег. Он сателитировал двух старших курсников, они купили себе три вагона и все время отъездили в экспедицию.

В двадцать пять Нестеров написал кандидатскую: «Оценка перспектив нефтеносности юга Западной Сибири». Он дерзко назвал самым богатым район Сургута. А тогда считали главным районом поиски Колпашево и Березово. Считали признанным метр-геологом. Через несколько лет они признали, что южный конек был прав.

Зависит ли прогресс науки от моральных качеств ученого? Существует ли связь между интеллектуальными достижениями и нравственной позицией ученого?

Каждый человек в науке вырабатывает свою позицию. Сколько существовал мир, столько существовало и различные теории, объясняющие друг друга и часто взаимоисключающие друг друга.

Я, как и большинство геологов, сторонник идеи органического происхождения нефти. У меня есть противники, они думают по-другому. Но я спокойно отношусь к ним. Я считаю, что каждый ученый всегда должен найти в себе силы отказаться от своей собственной гипотезы, если она не подтверждается жизнью. Отстаивать из ложной принципиальности ошибку до конца — безнравственно. Я думаю, что между характером ученого и его делом не существует никакой границы, невозможно быть в быту нечестным и при этом достиг в науке безупречной позиции. Человек, каков он есть в обыденной жизни, будет таким везде, чем бы он ни занимался. Заблуждение может быть неосознанное, но оно всегда зависит от моральных качеств человека. Слабый, несомненно, поядет дорогой, где меньше возможность ошибок. Он постарается представить дело так, что он единственный праведник. Да что там говорить! Давно написано Пушкиным: «Гений и злодейство — две вещи несовместные».

Моя позиция: уверен в своих исследованиях, но никому не навязываю своего мнения. Я допускаю, что могут ошибаться. К примеру, в институте есть темы, о которых думаю, что они бесперспективны. Но, как администратор, я не имею морального права их изымать. Я предпочитаю убеждать людей.

В ВАШЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАВЕРНО, ДОЛЖНО ОЩУЩАТЬСЯ ПРОТИВОПЕЧАТЕНИЕ МЕЖДУ УЧЕБНЫМ И АДМИНИСТРАТОМ?

— На это вопрос невозможно ответить однозначно. Я прошел все ступени иерархии, от младшего рабочего... В партии я стремился сделать больше всего, забывая про соседа. Тот, я думаю, делал все не так, как надо. Когда я стал начальником отдела, то увидел, что каждый отдел министратора, я не имею морального права их изымать. Я предпочитаю убеждать людей.

Есть колоссальная внутренняя энергия, ее надо использовать, но не дублировать. И вступая в геологические институты научные темы планировались «снизу вверх», принимали, что чем хотел заниматься исполнитель. А насколько нужно это было, насколько необходимо? В общем, действовали вздором, распыляя силы.

А если пойти дальше? Не занимаюсь ли отрасль народного хозяйства в дублированном друг друга, разве они не тратят силы на негладкие цели? Все направления хозяйств Западной Сибири сейчас практически обесценены добычей нефти и газа, а добыча зависит от запаса. Зная запасы, доступно было поставить генеральную цель: как будет развиваться Западная Сибирь в границах обозримого будущего, до 2000 года? В конечном изложении это называется так: «Разработка комплексной программы, обеспечивающей подсчет затрат каждого министерства в зависимости от расчетных цифр добычи». Западная Сибирь — крупнейший район страны. Огромные ассигновки. Как их рационально распределить? Что делать в первую очередь? Что во вторую? Что в третью? Вопросы организации приобретают огромную важность. И обстановка поддается рассчету. Я составил семь уровней, постепенно детализирующих решение задачи. В последнем, седьмом звене этой пирамиды необходимо решить как минимум триста задач. Основа всего — АСУ.

В нашем институте работа планируется не только «снизу вверх», но и «всперх вниз». Тут нет лозии, это не революционный процесс. Я не заставляю людей, я убеждаю. В конечном счете главное делают исполнители, я им предлагаю только направление, основу. Каждый образованный человек понимает, что лучше оптимальный вариант в рамках его профессии, чем разбросанность. Ведь работа — это не просто время с девяти утра до шести вечера, это жизнь человека.

«Вначале ему было трудно. Молодой кандидат, ему тогда было двадцать пять, преподавал в Новосибирске. Там своя школа геологов, свои идеи, свои плавыеры. Но у него невероятная фотографическая и память. Через несколько лет он составил свою схему нефтяной связи в Западной Сибири, каждый нефть. На стороне Ивана было знание. Это обеспечило ему победу. Где другие шли на ощупь, интуитивно, он шел тончайшей дорожкой» (Одиноким Нестерова по Свердловскому горному институту Б. Н. Пьянков).

«В наше время, когда жизнь непрерывно развивается, становится наука стоит перед необычайно сложной задачей — освоением будущего. Для этого нужны таланты, как Нестеров. У него высокая характерная черта — всегда искать новое. Он смотрит вперед. Он один из первых, кто доказал, что в Сибири тоже есть нефть» (Ф. И. Саламанов, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, доктор геолого-минералогических наук).

— А что же БУДЕТ ПОСЛЕ ИЗЪЕМА ВСЕХ АСУВАТОВ?

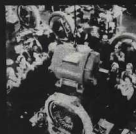
— Не знаю. Если появится новый вид энергии, если создадутся новые сырьем очень много. Она будет толпой для жизни. Менделеев говорил: «Считать нефть — то же, что считать ассигновки. Трудно заглянуть в столь далеком будущем. Я хочу...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 5 (1099)
МАРТ
1973

**И ТА Ш А О Б Т О Ж К А:
ГЛАВША А ПОБЕДА.**

Фото Владимира ЧЕШВИЛИ

ФОТОЧЕРК «ГЛАВША А ДВИГАТЕЛЬ» СМОТРИТЕ НА СТРАНИЦАХ 4—7.

12

**МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ,
СКОРЯЯЩАЯ ПСКОВИТАНКА.**

18

СЛОЖНАЯ НАУКА УЧИТЬСЯ.
Беседа с ректором
Московского автомобильно-
дорожного института
Л. Л. АФАНАСЬЕВЫМ.

20

**НАУКА: ВЕТЕРИНАРИ,
АИОБИТЫ.**

28

**МОДНЫЙ СИЛУЭТ.
Весна-73.**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**КОММУНИСТ. ГЕРОИ.
РОЖДЕННЫМ СОВРЕВАНИЕМ**

**ДОПОЛНЕНИЕ К УРОКУ ИСТОРИИ—
РЕПОРТАЖ ИЗ ШКОЛЬНОГО МУЗЕЯ**

**РАССКАЗ ВЛАДИМИРА ВОРОБЬЕВА
«КОГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ «БЕЗЫМЯННЫЙ»!»**

**ГАЛЕРЕЯ ШЕДЕВРОВ.
КАРТИНА В. СЕРОВА «ПЕТР I»**

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИЯ: В. С. Абашии, Г. П. Епиев, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Лучин [заместитель главного редактора], В. Г. Подрядкоцел, Р. И. Рождественский, Е. И. Рабинович, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. В. Стрелов [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашович

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

уюсь прогнозами,— все равно трудно. Пожалуй, невозможно.

— КАК ВЫГЛЯДИТ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГЕОЛОГИЯ ПО СРАВНЕНИЮ С ЗАРУБЕЖНОЙ?

— Теоретически мы намного вперед. Это не составляет для нас ничего секрета. Любопытно признание главного редактора бюллетеня американской ассоциации геологов-нефтяников А. Шерхоффа: «Если проследить за развитием советской науки, особенно в прикладной области, за последние несколько десятилетий, то нельзя не заметить, что советские геологи занимают особое положение в своей стране. В СССР всегда высоко ценилась геологическая служба. В США подобная ситуация существовала в XIX и в самом начале XX века, но не существовует сейчас. Причина такого различного подхода к геологии в США и в СССР заключается в соотношении философии и политики. Высокое качество и полнота трех советских книг (то обзор трех наших монографий, автор одной из них — Нестеров.— С. Р.) может дать западным геологам некий намек на то, какого качества можно ожидать и их работы».

— СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ НАДО ОПЕКТАТЬ И ПОДДЕРЖИВАТЬ: ИЛИ ОНИ ДОЛЖНЫ ДО ВСЕГО ДОХОДИТЬ НА СОБСТВЕННЫХ ОШИБКАХ?

— Между студентом и молодым инженером НИИ, учебным и исследовательским институтом лежит психологический барьер. Одно время я был заведующим кафедрой в Томском индустриальном институте и обнаружил, что прекрасные студенты, ставшие инженерами, в НИИ вступают сразу терпящих. Появляется болезнь, выступают, боятся, что скажут не так, как думают другие. Чтобы преодолеть эту застенчивость, я ввел представителей совета молодых специалистов в состав ученого совета и его секций. Два сборника поощеще отдаю им. Даже если принесут монографию — напечатать.

Мы беседуем с Нестеровым вот уже несколько вечеров подряд. Он обстоятелен, нетороплив и скуповат. О младших коллегах он говорит сдержанно. Если бы я только что познакомился с ним, я бы удивился. Но накануне он мне сдержанно рассказывал о том, что в 44-и двенадцатилетнем убежал на фронт, что рос в тяжелое, голодное время и даже нечасто говорил детям ласковые слова, но молока отдавали последний кусок хлеба. Он тогда внешне бесстрашен. Да и то не всегда.

Когда речь заходит о взаимоотношениях человека и живой среды, тогда и напомним, что развитие индивидуальности идет по природе, на молодых людях она особенно появляется болезненное напряжение.

— Да,— прозвонит он,— я не забуду, как тогда шепелявил в Юрге, а в него провалился нефть из скважины. Все зависит от человека, от его совести. Но геологам теперь не обращаться к пераю, прокруть нефть в озеро, а сингаурт ее сразу в отводе... Да разве дело в оных геологах?

Вспоминаю, как в последний свой приезд в Москву он был в Театре на Таганке. Нестеров ставится точно анализировать свое отношение.

— После обаяния юны, традиционных сплетенчатых то, что ушел, очень интересно. Знал, что гдета прежде всего чувство, а потом — мыслю. Но после сплетения на твой боляще всего являет мысля.

И впрочем-нико не смотрит, точно жедал спросит согласен?

— Искусство, выражает искания человеческого духа, стоит очень близко к науке... Иногда бывает трудно. Бывает больно. Жизнь меняется, окружающие меня люди тоже меняют-

ся. Я не хочу сказать, что только я один остался прежним. Но перемены не всегда несут с собой радость. Счастье и радость не постоянные величины жизни, может быть, это очень разумно, что они не постоянны, что они стоят рядом с горестями! Счастье и горе, смех и слезы, успех и неудача — они взаимосвязаны. Да только человеку нелегко согласиться с этим. Он ищет поддержку у искусства, в документах человеческого духа. Наука ведь не оперирует такими понятиями, как счастье и горе, как преданность и обман...

Иногда у меня странное состояние, мне не работается. Я подожку к полке, беру наугад любой из десяти томов «академического» Пушкина и читаю. Или Евсенина:

Летит за дном дим,
И кандай мий уносит частуку бытия...

Его житейский характер прост и непрост: ни в любовь, ни в жизнь. Будучи в Сан-Франциско на конгрессе по проблемам геологии Англии, Нестеров с друзьями улетел из аэропортной поехал в Лунину долину поклониться могиле Диего Лондона.

Поскольку Нестеров — представитель официальной командиром. Что его влечет? Ист? Это чудно ему. Но — Джек Лондон, первопроходец, неторопливые пути, сильные и добрые натуры. Может быть, Нестеров ощущал духовное родство с ними. Он вылетел время и поехал к Диегу Лондону. На пути им встретился забор, они, не замечая, перешли через него, купили в лавке астры и положили их на надгробие. После американцы выразили им удивление: «Мим вы сумасшедшие, им миллионы — доллары выбросили три доллара». Нестерова это обидело:

— Во многом американцы похожи на русских, но их губит мелочный прагматизм.

— ЧТО ГЛАВНОЕ В ХАРАКТЕРЕ ГЕОЛОГА?

— Чувство долга перед людьми, с которыми работает. Бывают случаи, когда можешь очутиться на границе жизни и смерти. Тогда неважно, кто ты по званию, а важно, что ты за человек.

О несчастьях в поисковых партиях Нестеров говорить не хочет. Он повторяет:

— Сам погибай, а товарища выручай,— и вопрос исчерпан.

— ЧТО ТАКОЕ РАБОТА ВАС СЧАСТЬЕ?

— Работа. Подтверждение прогноза. Если у меня есть свободное время и работаю. Я же говорил, что геологиче однокло.

«Он приехал из института и сразу помылся спать. Врачи говорили, что иначе его организм не выдержит бы такого напряжения».

В Свердловске я учился с ним в одной группе. Он простой, добрый, веселый. Студентами мы с ним убежали на концерты ветхозапа.

Он остался танцем. Имена ведь не знает, кем станту мимы через пять-надасть лет после свадьбы, но они знают, какими людьми они являются. Он рад, что его комплексную программу поддерживают партийные органы, министерство геологии, ведущие академии.

Он приходит домой, играет с сыном. Вы не замечаете, что он держит сына поначерному строю? Это он играл с сыном в футбол, строился с ним то и смель ушел с фотографией.

Неважно он азартом мастера дома на верстале стелами для книг. Примаз отгаду-то десять нечарамов галены и выломане мозгану на ирыше секретера, который тоже сделал сам. Евгения Игоревна Нестерова рассказывает альбом с фотографией. Со смехом широко улыбается круглолицый паренек в распахнутой фуфайке, Ваня Нестеров, сын рабочего «Уральмаша» Ивана Нестерова.

— КЕМ БУДЕТ ВАШ СЫН, ИВАН ИВАНОВИЧ-МЛАДШИЙ?

— Геологом. Ему хватит работы.

Галина СОКОЛОВА

Воспитание чувств

***
ЭКОНОМИКА
И ЧУВСТВА
*
«ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ»
ХАРАКТЕРОВ
*
«...ПРИНИМАТЬ
РЕШЕНИЯ
СО ЗНАНИЕМ
ДЕЛА»
***

зало этого года три назад. У Тушинского рынка, красиво развернувшись, остановилась светлая, чистенькая «Волга». Из машины вышла женщина и направилась к рыдам с зеленью. А к водителю подошли наши соседи, совсем еще юные супруги Нина и Коста, с которыми мы отправились сюда за компаниями.

— Хороняя у вас машина, нам бы такую! — воскликнул Коста, обращаясь к сидевшему в «Волге» мужчине.

— За чем же дело стало? Приобретайте... Это ж всего денег сколько надо...

— И-то заработал.

— Так вы, наверное, уже пятнадцать?

— Угадали.

— Долго ждать! — как-то совсем по-мальчишески беззаботно произнес Коста.

— Вам меньше придется ждать: машинского будет много, заработок и в век вашей жизни совсем друтыя.

— Все равно долго, — окружался Коста. Мне стало неловко за него после этой фразы. Неужто Коста забыл печальную историю, которая произошла с ним и Ниной год назад?

После жонглирования они решили приобрести небельный гарнитур. И примерно через год помогли сгрудать у полдезда новенькие стулья, стол, шкафы. А вскоре Нина заболела. Ее положили в больницу, определив нервно-истощение и острый авитаминоз.

Лечили молодую хозяйку гарнитура два месяца. Коста за это время буквально почернел от переживания и все приготовил:

— Меня надо убит! Из-за этих дерявкин брали работу на дом, не разгибали даже по праздникам и выходным. А ей нужны были витамины и спать по восемь часов.

...Юность быстра. Быстра во всем. Да время еще такое стремительно. Огромными темпами развивается наша экономика, промышленность, наука, торговля, גדло промышленности стремительно увеличивается, возможности для удовлетворения человеческих потребностей. Понятно, естественно и заслуженно желание народа, который, по выражению писателя А. С. Пушкина, «всегда стремится вперед», отцы, сыновья, дочери... завтра жить и работать в лучших условиях, чем это получается сегодня. И традиционные государственные планы нашей страны направлены именно на реализацию этого желания.

А выполняют планы трудом своим те же «кровные семьи». Но работать по-настоящему человек научается не сразу. И естественно, что работа является делом, которое приносит меньше, чем потом, когда наберется умения, опыта. А поскольку люди в нашем обществе живут на трудовые деньги, то вполне закономерно, что молодые семьи часто имеют бюджет, не соответствующий их запросам.

...Семья — коллектив небольшой. Экономические отношения в нем складываются из совокупного дохода ее членов. В нашем случае из заработной платы мамы и папы. И здесь, как и в любом деле, как правило, коллективная воля. Поскольку никаких развоговали между Ниной и Костей не было, получалась парадоксальная ситуация: по деньгам семья была достаточно бедной, молодая семья очень сильно подорвала собственную благополучию.

Случай, надо думать, в общем-то исключительный. Но тем не менее такой его исключительности в нем более чем в любом другом обналичает опасность, которую порой можно не увидеть и не слишком оная семья.

Важно сразу: не о том пойдет речь, что совет молодые люди вроде Нины и Кости, не должны покупать очень дорогие вещи. И не о том, что хорошая мебель еще дорога для семьи со средним достатком. Это известно всем. Это знает реальность, которой приходится жить, и с которой считают себя в любом городе. Но все понимают: материальное благополучие каждого из нас неуклонно меняется к лучшему. Еще пятьдесят лет назад для многих семей проблемой было приобрести скажем, тату...
Речь пойдет о том, что и Нина и Костя оказались людьми, у которых... плохо воспитаны тучи...

Конечно же, слышали они не раз, что жить надо по средствам. Но еще до замужества Нина, получая зимой в подарок от Кости розу, ни разу не задумавшись, может ли себе позволить тратить немалые деньги на цветы, получила зарплатком в 120 рублей. Когда же они поженились, то часто сидели без денег, потому что за несколько дней умудрились потратить лишнюю часть на своих совместных друзей, рублей неизвестно на что.

— Давай купишь! — восклицала Нина, увидев вдруг поправившуюся ей юванку пеленки.

Давай купишь! — обычно вторил ей Костя. И в доме повалился пеленчик, огромная ваза, очень симпатичная кукла с пышной юбкой, фреда на чайник, хотя по назначению не никто не собирался им пользоваться.

До тех пор, пока Нина и Костя не сказали друг другу: «Давай купишь гарнитуру», — стремление немедленно удовлетворять пожелания возникающих желаний не возводило в них ни о чем: двоим-то на двести рублей можно купить, даже если половина зарплатки истратена кое-как. Для этого не нужно строго продумывать бюджет, не нужны особые усилия воли, не нужны оговорки, воля, когда пожелалось. Костя окупался, воля, когда пожелалось. И обоим оказалось предостаточно. И неудержимости тоже. Начались пла и гарнитуры и в следующие годы, июль дня в день, работая, пока по назначению достаточное количество денег не скапливалось на это время от своего «Давай купишь», экономили на чем только могли. Это ли не проявление воли, когда именно желания побуждают, так и хочется поблагодарить после устремлений и волевым Ниной и Костей мы отнесли к людям, у которых не воспитаны чувства?

Безусловно, малышня, то и дело нетерпеливо требующих все подряд, что только пожелают, — и машину, и куклу, и свички: «ДАЙ ДАЙ ДАЙ!» А если не сразу, такой малышня кидается на пол и стучит ногами. Желания Нины и Кости не всегда задерживались, очень часто получались похуже — на младшего «Давай», а воля, провозглашая при этом, — на настойчивость ребенка, который ревом, истери-

кой или нескомасными приставаниями — то есть средствами, доступными его возрасту, — добивается своего.

Конечно, есть между нашими супругами и мультитера, естественная разница в ребенке и друг от друга, молодожены всего добивались сами. Однако с детьми их родит импульсивность. Однако, отсутствие тормозящего начавшегося. И если с каждым днем все больше становится способным и свободным распоряжаться своей волей. Ведь свобода воли есть «способность принимать решения со знанием дела» (так говорит об этом Ф. Бэкон). И если человек способен, то ищет человеку для достижения определенных целей.

На пути к ним обычно возникает сложность: те или иные неблагоприятные обстоятельства мешают другим. И эти обстоятельства, вызванные желанием выделиться из противоречивых стремлений и чувств, проявляются. Так и возникает борьба битов, борьба с самим собой.

В этой борьбе зрелому человеку помогает то, что он ориентирован в ценностях и далеко не безотчетен в желаниях. У сформировавшейся личности непременно есть критерии — внутренние ориентиры, — которые являются добрым и нежелательным. Эти ориентиры позволяют ему понять, почему он хочет то, а не другое, почему хочет это сейчас, а не позднее, что для него важно.

Все это помогает человеку регулировать свои возникающие потребности, желания и отказываться от тех, какие могут помешать главному в жизни. Это и значит удерживать себя, быть чуждым с воспитанными чувствами. Такой человек умеет отказываться от несущественных желаний (а порой и существенных, но пражременных) во имя главного. Здесь уместно вспомнить писем, которое прислал Великим Каверин на юбилей автора «Гренады». В нем были строки: «Я завидую не только таланту Свелова, но и его удивительной силе воли. Она, как никто, умеет довольствоваться необходимым». Своего же человека по-своему: «Мне не надо ничего, кроме того, что я не могу быть лишнего».

Конечно, все люди очень разные, и их потребности и желания тоже разные. Кто-то считает. Один считает, что нет жизни без мотоцикла, поскольку его страсть — охота к перемене мест. Другой не пожелает трехдневно ходить на работу на свой густак, потому что только одетый с иголочки он чувствует себя счастливым. Третий всемо предпочитает книги или телевизор. Четвертый просит «состояние на пенсию». Пятым же, самое важное, удержать жилища. Шестой предпочитает жить в заводской мастерской, потому что, кроме юбки работы, все ему неинтересно. И пока эти разные люди холосты, они волевы в конце концов потащить своим чувствами (хотя не жда, что это стоит делать), нестовать свои прихоти, так же как свободны они любым образом распоряжаться своими единичными холостяцкими деньгами.

Супружеские же чувства, основанные на взаимности, предполагают прежде всего (да притом не это самое) квалифицированную, с постоянным заинтересованным унаважением человека, который, приходя к человеку, имеет ответственную, уважительную заботу о нем. И אותו не сиоинують только, но кратковременную, но протяжную — на долгие годы.

...С появлением семьи автоматически исчезает, перестает существовать одиноличный, холостяцкий рубль. Рождается рубль семейный. У него сложный, порой трудноуправляемый, заготовочный «характер». В зависимости от того, правильно или неправильно будет этот рубль потрачен, он станет «работать» либо на семью, либо против нее. Он способен и радовать супругов, и огорчать. Будет он «работать» или нет, зависит от нас самих.

Вернемся к нашим супругам — Ниной и Костей. В брак, как скоро стало ясно, они вступили, не будучи подготовленными к ведению хозяйства. Конечно, я знаю, что до свадьбы они и не задумывались об этом. Будут ли они, как выгиды, хватить ли на жизнь их заработка. Вопросы эти влюбленным казались то ли изменениями, то ли слишком рационалистическими, не имеющими отношения к делу. А вышло не так. При первом, не хваекомом, не фарисейском взгляде на вещи рано или поздно в каждой семье выясняется, что рубль и чувства — это нечто очень часто взаимосвязанное, а иногда просто-напросто неразделимое. Поэтому что чувство заботы о жене, муже, родителем, детях часто требует подкрепления в виде рубля.

отдать не длинного опыта, а такого, какой есть, во всякий раз правильно, справедливо, разумно употребленного — в соответствии с первоочередными потребностями семьи в целом и каждого из ее членов. И если человек не способен к тому, что Костя с Ниной зарабатывали меньше, чем нужно было для безбедной покупки злосчастного гарнитура. Дело в том, что именно в этот период, преждевременное побуждение обанкротить так, чтобы не случилось, — «у других», почти рефлекторно, детское «Давай купишь» вошло в противоречие с первоочередными нуждами молодой семьи. Ни Нина, ни Костя не могли не увидеть, правда, что именно очень хотелось бы скорее, немедленно «как есть». К тому же оба проявили себя индустриальными экономистами, плановиками своего маленького бюджета. Ведь ничего бы не случилось, если бы молодожены не поддались соблазну дорогостоящую покупку на двести грош. Но за планировали бы. И подкололи денег истинно, а буквально смысла слова безбедно.

Жить по средствам совсем не значит постоянно сдерживать желания, сглазить, приобрести ту или иную вещь, цена которой превышает месячную семейную зарплату. Это значит разумно, мудро распределять семейные доходы, планировать текущие и плановые расходы, избегать поротенные расходы. Стоит также учитывать хороший и неудачный опыт — свой и других.

Человеческое общество знает множество примеров, когда лучшим семейным отношениям отнюдь не была основой и главным условием взаимности в доме наших тер. Мария Александровна Ульянова много лет строжила распределителя, рассказывая в соответствующие конверты экономические полу-экономики, полу-расходы. А ведь известно, что этой семье никто не было так чудно, как рационализм и расчетливость в отношениях друг с другом. А многие ли молодожены могут похвастаться подобной системой? Многие ли могут похвастаться, которые заметно помогают дисциплинировать финансовую политику семьи? Почему-то все эти «бухгалтеры» считаются занятием недостойным, малочеловеческим, а потому и нехорошим.

Может быть, некоторые из читателей согут отот наш разговор необязательным, неактуальным или даже неуместным. И уж наверняка они скажут, что это не имеет большого смысла, но все-таки рай и в шашке, что и в шашке, что планировать домашние расходы все-таки можно. Скажут, что считать вынуждает прежде всего реальность.

Возражают эти, да, несправедливо. Когда нечего считать, то можно, конечно, и не считать. Нашим матерям и отцам, делавшим революцию, вовоеванию на фронтах гражданской и Отечественной войн, а потому сражались с разнуоркой, наше всего нечего считать, да и некогда было. Им просто неведомы были абзты о комфортабельном быте, символом которого может стать и отдельная квартира с планировкой гарнитуры. Но ведь отговариваясь, зачислялась, строилась, изменились материалы, крепкая, нормальная, спокойная и удобная трудовая жизнь... Страна наша богаче день ото дня, богаче, богаче в лучшем смысле этого слова и богатее, богаче в смысле, что все больше развивается, в квартирах стало больше полезных, удобных, красивых вещей, больше денег. Но неизмеримо выросли и потребности. И возможности, как правило, не соответствуют возможностям на каждый данный момент. Опытные семейные знают, как непросто научиться коротко хозяйничать, особенно если не влезть за это о самом деле, а ввиду трудовых занятий.

Первоначально оговоркой, взаимная любовь, то есть прежде всего чувство. Поэтому намечать «строительство» экономических отношений в молодой семье нужно исходя прежде всего из взаимности, взаимности, взаимности, взаимности друг к другу, с вымыслена склонности, потребностей, целей каждого. Иными словами, нормальная экономическая обстановка в семье, нормальное ведение хозяйства, нормальная возможность только при взаимном уважении чувств, особенно прямо зависит от того, насколько воспитаны чувства собственные.

...Пятьдесят лет назад, прошел для Кости и Нины даром, жал-только, дорого опит за него заплатили.

Спрашиваю Костю недавно:

— Неужели вы собираетесь покупать машину? — Слышала ведь я, как поговаривали ты владеть... Вот так.

— Что ты... говорит — совсем я, что ли, дурак? Побойтас с ним, и только. Потенциал! А лет через десять — посмотрим, получаем...

Пятилетке — ударный труд, мастерство и поиск молодых!

Сергей СМЕЛЯНСКИЙ, Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

МОТОР

Он стоит в цехе. На рядом с другими, подготовленными к отправке, а чуть поодаль, воле цеховой стены. Электродвигатель серии А-3 мощностью 90 киловатт. Обычный, серийный, он неожиданно выделяется из общего ряда, шагнул в историю завода. Лучи неяркого солнца, просвечивая сквозь стеклянную крышу, высвечивают на его оранжевом боку броскую цифру — 1 000 000.

Рождение юбиляра отмечено лаконичной записью в сменном журнале испытательной станции цеха № 13: «Задание выполнено. Есть миллионный двигатель!»

Мотор стоит пока в цехе, там, где он родился. Потом его, очевидно, отвезут в заводской музей, и экскурсоды, рассказывая о трудовой славе ильичевцев, долее обычного задержится воле этого экспоната. И вспомнит, что моторы «ЭВИ» — символ надежности и высокого качества. И уж обязательно расскажет экскурсодом на предприятии четверть века назад. Тогда, в 1947 году, восстанавливавшемуся народному хозяйству как хлеб были нужны большие и малые электродвигатели. Решить эту острую проблему поручили коллективу одного из старших московских заводов — имени Владимира Ильича.

Перестраиваться пришлось на ходу. Готовить специальные кадры, устанавливать оборудование, разрабатывать и осваивать сложную технологию новой продукции.

Задание было успешно выполнено. Первый собранный электродвигатель обозначал новый этап в развитии завода, широко известного своими революционными, боевыми и трудовыми традициями. Традиции эти воспевают и живут не сами по себе. Они — в людях. В живой преобременности поколений. Обогащая современным опытом, они становятся главным двигателем жизни...

ГОРИЗОНТЫ САШИ СОКОЛОВА

«Диаметр видимого горизонта увеличивается с высотой наблюдателя».

(Из учебника географии).

«— Больше знать, чтобы больше отдавать — заповедь ильичевцев».

(Из выступления на собрании).

Когда Саша Соколов наконец дозвонился, обеденный перерыв закан-

чивался. После сигнала «занято» трубку взяли, и усталый женской голос сообщил:

— Соколову! Сегодня выписываем. Приезжайте.

Старший инженер испытательной станции Борис Фарстов доплавал компот, когда Саша сбегал в столовую. Сказал:

— Сегодня забираю своих. Отпусти, пожалуйста, пораньше. Такси поймать, цветов купи...

— Какой момент быть разговор! Еще пару моторов проверьшь и двигай. Да не забудь, отец, перекусить.

Саша только рукой махнул — до еды ли тут!

— Смене подходить к концу. Соколов взял покойной на стетоскоп металлический стержень, приложил ухо. Двигатель гудит ровно, перебоев нет. Значит, подшипники работают нормально. Остальное все уже проверено.

— Годен! — с облегчением говорит Саша. — Еще один — и еду за сыном. Но этот годен — последний — оказался крепким орешком. Серия А-3 вообще считается капризной. И прежде чем Саша смог поставить свою подпись под протоколом испытания, ему пришлось порядком повозиться. Замерил индикатором биение контактных колец. Стрелка бешено метнулась по циферблату. Черт возьми, браш! Пришлось отправлять в цех. Теперь жди, когда исправят... За цветами, пожалуйста, не забудь...

Но все обошлось. Ребята не подвели. И двигатель теперь вполне соответствует ГОСТу.

Контролером-испытателем комсомолец Соколов работает около года.

— Почти год! — уточняет Саша, давая понять, что считает этот срок отнюдь не малым. Отсчет времени у каждого свой, определяемый не только календарем...

— Выразительное лицо. Негоропливая, с катанной речью. И выдержка. Каждый раз, заканчивая сложные испытания, Саша минуту-другую медит. Последняя инстанция!

Хороший, слаженный коллектив. Атмосфера творческой неуспокоенности, высказательности — все это по душе Соколову.

Вспомнить не могу штампов и односторонних. А здесь не засучившая. Двигатели выпускаем нескольких типов. Характеристики у нас разные. Есть и такие моторы, что идут со Знаком качества.

Неожиданно спросил:

— Вы на метро приехали! Ленту экскаватора там гоняют наши моторы?

В моторосборочный цех Соколов

САША СОКОЛОВ — ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНИЛ

ПОСЛЕДНЯЯ СВАРКА.

ПОШЕЛ ЧУГУН.

пришел, имея специальность электрика. Но для завода он все равно был новичком. По установившемуся здесь правилу его пригласили к Владимиру Самойлову. Володя щедро раскрывал производственные секреты, а подшефный быстро их усваивал. Сейчас Самойлов в другом цехе, работает инженером, заканчивает Политехнический институт.

— У нас на испытательной все учатся, — говорит Саша. — Боря Фарстов, комсорг цеха, институт заканчивает. Владимир Гречев, техникум окончил. Лишь я! Скоро защитю диплом в электроэвмическом техникуме.

— А дальше? Какие планы?

— Очевидно, Политехнический институт. У нас в семье один инженер уже есть. Жена Толя в том году диплом защитила... Дело не в должности, а в званнях. Сейчас без них ра-

бочему человеку никак не обойтись. Помолчал, Саша улыбнулся:

— А сына мои Володей назвали...

ТВОЙ ПАСПОРТ

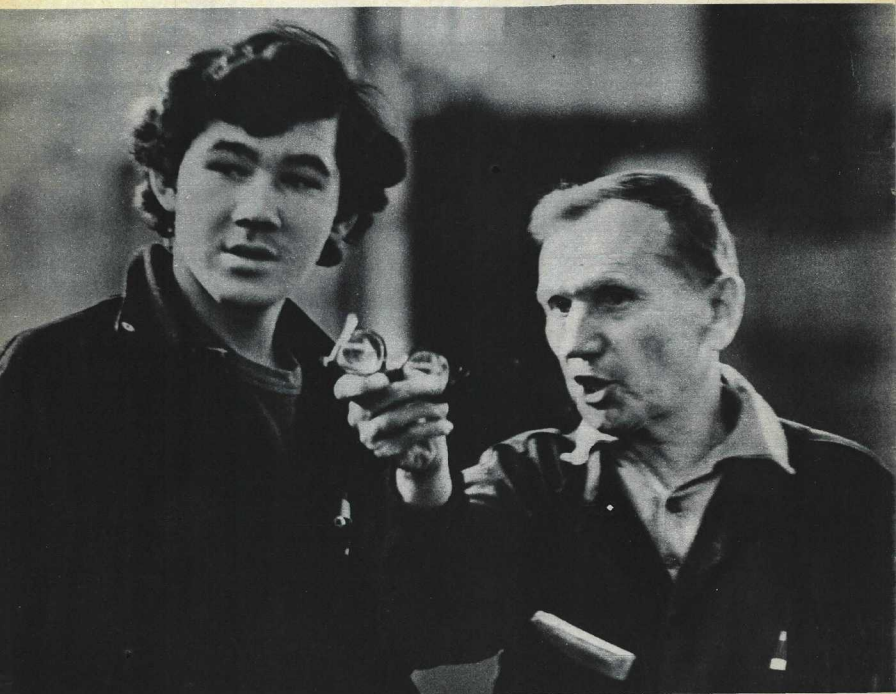
Еще рано утром в цехе появилось объявление: «В красном уголке проводится День молодого рабочего».

Такие Дни стали традицией. И люди шли густо. Скоро небольшой зал оказался переполненным. Опоздавшие толпились в дверях.

Оркестр умолк, на сцену вышла Лида Мекланина, комсорг цеха, и размашистыми сложа над ее головой: «Молодой рабочий, поздравляем тебя с приходом в семью инструментальщиков — как бы стали еще замечнее».

...А говорящая Лида о революционных и трудовых традициях ильичевцев. Говорила кратко, потому что

каждый из этих ребят в необитаемых следовках уже побывал в заводском музее. Такой здесь установлен порядок.

От кадровых рабочих выступал Кузьма Иванович Сахаров, Слесарь-штамповщик, известный новатор. Партизурпорт. Их известное не только на заводе. В зале стало совсем тихо.

Невысокий, плотный человек, заметно волнуясь, рассказывал о ветеранах завода, которые видели и слышали Ленина. О любимом своем учителе Сергее Анатольевиче Антонове. Антонов первым на заводе получил звание Героя Социалистического Труда.

Молодежь с удивлением узнает, что и к такому редкому мастеру, как Сахаров, не сразу пришлось умение. Случалось, ошибаясь, брак допускал. В таких случаях Антонов укоризненно спрашивал: «Что, Кузьма, на трубу решил работать? На заводе издавна бытует такое выражение: сработать на трубу — значит, сделать плохо.

Свое выступление Кузьма Иванович закончил такими словами:

— Путь к мастерству нелегкий. Помните: инструментальный цех — это умное сердце завода.

Начинается вручение трудовых паспортов. На сцену один за другим поднимаются Виктор Беляев, Николай

Мерзляков, Владимир Алексеев, Виктор Федоров, Юрий Суворов, Михаил Ковалов...

Ребята получают свои трудовые паспорта с наказом беречь традицию, рабочую честь. Отныне на вопрос о профессии они с лозинным правом могут ответить: ИНСТРУМЕНТАЛЬЩИКИ!

...Было нечто символическое в том, что в этом же красном уголке вручены значок и удостоверение Ударника коммунистического труда Виктору Кошелеву. Витя — токарь третьего разряда, окончил заводское ПТУ, Темно-русьи, с едва заметившимися усиками, смущенный общими вниманием, Виктор долго рассматривает красивую книжечку ударника с отчетливым профилем Ильича.

Негромко говорит:

— После армии непременно вернусь сюда, в инструментальный, где работал и мой отец...

ДВАЖДЫ МАСТЕР

«Отец не учил — дава не учил».

(Старинная поговорка).

Рабочий стол мастера Д. А. Голубятова стоит почти у самого входа в инструментальный цех. Среди токарных, фрезерных и других станков он

выглядит чужеродно. На дерматинном его поле поведается лишь то, что имеет непосредственное отношение к работе.

Участок этот обеспечивает оснастку автоматов по изготовлению метизов. В обиходе он именуется просто участком Голубятова.

Работает здесь преимущественно молодежь. Выпускники производственно-технического училища и ребята, не имеющие производственного навыка. Привлекает сюда их не только стремление освоить завидную профессию инструментальщика. На заводе знают, что не было такого случая, когда Дмитрий Алексеевич бросил на полдорога своего ученика.

Голубятов не производит впечатление уставшего, старого человека, хотя за его плечами тридцать пять лет большого труда. Прошу:

— Вчера получал удостоверение ударника коммунистического труда Виктор Кошелев. Расскажите о нем...

Голубятов говорит:

— Витя у нас поголовный токарь. Основная его черта — стойкость и понимание ответственности. Вполне может стать отличным мастером. Впрочем, он не исключение. Взять того же Сашу Кашеева. На завод пришел в прошлом году. Специальности никакой. Посоветова-

УРОК РАБОЧЕГО МАСТЕРСТВА.

лись и поставили Сашу к опытовому шлифовщику Демидову. И, знаете, получилось. Очень способный оказался паренек. За год сумел на заметное место выйти. По четвертому разряду работает. Ничье поступил в техникум. Чтобы совсем гладко, редко у кого получается. Важно, чтобы человек не последнюю роль играет. Обратите внимание на парнишку у того вана. 1936 года рождения. На цинпочках вокруг станка ходил, а получил сам первые 65 рублей — преобразился сразу, работником себя осознал. Меня частенько спрашивают: «На кой леший ты, Алексеевич, себе голову морочишь? Вот опять сосунок набрал!» В таких случаях отвечаю, что мне с ними, мальцами или подростками — как угодно их величайте, — веселее работать, легче дашитесь. Они же наше будущее. Не мои это слова, а мудрость, рожденная многими поколениями. И в ней — соль всех наших удач!

...Теперь мне понятно, почему называют Дмитрия Алексеевича Голубятова дважды мастером.

КУЗНЕЦЫ

«— Вот мы говорим о традициях. Считаю, что лучшая традиция кузнецов — это наш убойный труд».

(Из выступления на собрании).

Подручный кузнеца ловко, словно пирог, выкатывает из печи раскаленную до молочной белизны болванку, подхватывает ее длинными щипцами. И вот она уже под молотом, пышущая жаром, покорная. Теперь она во власти кузнеца. Короткий хлопок машинисту — и ударная сила автомата обрушивается на заготовку. Кузнец легко, словно из глины, «леплет» заданную фигуру.

Постепенно металл утрачивает ослепительную белизну, становится орнаментно-красным, бордовым и, наконец, совсем темнеет. Зато отчетливо проступает форма детали.

Кроциркулем проверены размеры. Все точно. Подручный откатывает готовое изделие. Новая болванка легла на наковальню. И снова бьет молот. Все повторяется сначала... Две с половиной тонны металла «перевариваются» кузнец за смену.

Раскаленный грохот не прекращается ни на минуту. Человеческая речь

почти обеззвучена. Поэтому кузнец, подручный и машинист, составляющие бригаду, должны понимать друг друга с полуслова.

Ковать металл, как и варить сталь, в одиночку нельзя. Ничего не получится, будь хоть семь пядей во лбу. Сложность значи — темпы. Тут не обобщать поговорицу: «Куй железо, пока горячо».

...Устойчивый шеховой гуд врывается в контурку старшего мастера. Александр Дмитриевич Лощилин не только старший мастер. Он и комсорг цеха. На мой взгляд, сочетание отличное! Для других он молод, сам же считает себя чуть ли не старожилком. В кузнице восемь лет, пришел сюда сразу после окончания техникума. Работать приходится на разных участках. Был и помастера, и мастером, и сменыным инженером. Кузнечное дело пришлось познавать практически.

Александр Дмитриевич подчеркивает:

«... Именно практиком. Учебных заведений, готовящих непосредственно кузнецов, у нас до обидного мало».

Мне уже было известно, что кузнечный цех — один из лучших на заводе в 72-м году, как победитель в социалистическом соревновании, он

четыре месяца подряд удерживал рекорды в красное знамя.

— Что вы считаете в работе цеха наиболее примечательным? — спрашиваю у Лощилина.

— Первое — отвечает он, — дружная работа. Договорился — делили. Прошлым летом, неспроста, решили всем цехом... неспящая депо! — уйти в отпуск. И ушли. Как завод? Работал нормально. Мы обеспечили его покоем на два месяца вперед. Но одну дежурную бригаду на всякий случай оставили. Для собственного спокойствия. Второе — в цехе все соразуется. Не для тачки, горючо, по-настоящему. Бригада Николая Васильевича Метелина каждый месяц по две нормы дает. И третье — творческое отношение к работе. Не хвастаясь, скажу: по количеству рационализаторских предложений наш цех занимает по заводу второе место. Также немало значимых изобретений... Александр Дмитриевич извлекает из стола пулюшку ланку.

— Вот здесь наши рационализаторские предложения. Самые ценные передаем бригаду. Оперативные внедряем сами, без промедления».

Мой собеседник умолчал, что среди активных рационализаторов цеха и он — старший мастер Лощилин...

Разговою наш коснулся еще одной

особенности, определяющей стиль работы.

...Случилась беда: опытный кузнец Тимофеев недолго слег в больницу. Бригада была в цехе одной из лучших. Кого поставить во главе такой бригады? Выбрал пан на молодого рабочего — Витора — Миронова. Для многих такой номинации преждевременной. Миронов в кузнице работает, что называется, без году неделя. Парень он, конечно, способный, но опыт есть опытный.

Миронов и сам не сразу решился принять предложение. Шутка сказать — Тимофеева заменили!

На первых порах бригаду ликвидировали. Приглашались друг к другу, оценивали возможности. У каждого кузнеца свой стиль, свои особенности. И машинисты тоже разные. У одного сильнее, разное удары. Другой опускает молот медленно, с прижимом... Чтобы сработаться, требуется время. И не только время. Одна рука в ладони не бьет. Тимофеев и сам не сразу решился принять предложение. Шутка сказать — Тимофеева заменили!

Молодому бригадире помогли его новые товарищи. Поддержали. И бригада вновь обрела свое лицо, опять заговорили полным голосом.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

...Летом 1947 года царский кабинет министров по высочайшему повелению постановил: «Уехать в Москва, как в центре отечественной мануфактурной промышленности, механического заведения, в котором можно было бы приготовить большую часть машин, выписываемых доселе из чужих краев...»

Это была предостерегающая Подлинная история завода, ставшего одним из флагманов молодой советской электропромышленности, началась с революции.

Имени Владимира Ильича. Слова эти с краской строим еще и потому, что завод связан не только с памятью, но и с жизнью Ленина. Шесть раз выступал Ильич перед рабочими этого завода.

В период социалистического обновления нашей промышленности ильичевцы выполняли заказы первооткрывателя независимости. Оборудование для первого советской электрификации — Шатурской ГРЭС — было сделано на заводе имени Владимира Ильича.

В Отечественную войну в Бессонных заводских цехах изготовлялись снаряды для легендарных «катюш». Вряд ли стоит говорить, что значили они для нашей победы!

За послевоенные годы объем производства завода увеличился в двенадцать раз.

28 видов изделий отмечено Знаком качества. Почти треть заводской продукции.

Первый Знак качества в стране был присвоен пять лет назад электродвигателю серии А-2.

Ильичевские электродвигатели экспортируются в 64 страны. В том числе в Чехословакию, ГДР, Венгрию, Японию, Англию, Францию, Бразилию, Панаму...

В третьем, решающем году пятилетия на предприятии, где дух инициативы и творчества всегда был движущей силой, люди глубоко восприняли постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о развертывании социалистического соревнования. Этому помогает расквашенное мастерство коллектива, где каждый третий учится.

Завод имеет ПТУ, школу рабочей молодежи, техникум. Постоянно действуют школы коммунистического труда, творческие клубы новаторов, различные курсы.

Традиции... Они в людях, в ударном коллективном труде, в живой связи поколений. Обогащенные современностью, они помогают рождению Будущего.

МИРНЫЕ СНАРЯДЫ.

школе работали разные учителя.

В русский язык и литературу аела Красная Шапочка — пошла строго учительница. Математику преподавал Огнетушитель — сорокалетний мужчина в очках, с хриплым голосом. Черенные вел учитель по прозвищу Кинга, историю — Инфузория. И только у англичанин не было прозвища. Ее собственная фамилия — Кашкаварова — давала простор воображению, но все двенадцать лет, что она работала в школе, ее звали — Маргоша... Маргарита Константиновна — это для официальных случаев: попросится к доске или вымолить тройку.

Она пришла в школу юным созданием — выпускницей пединститута, с тугой русской косой, не оставляющей никаких сомнений в том, что она натуральная блондинка. Две худенькие лопатки, как прорывающиеся крылья, торчали сзади, спереди на учеников смотрели большие мыслящие глаза, бывшие то голубыми, то серыми. Это юный образ ангела с прекрасным оксфордским произношением навсегда запечатлен в сердце школьного математика.

На тридцать шестом году жизни Маргоша неожиданно для всех покинула школу и с первого сентября приступила к работе в небольшом издательстве, выпускающем иностранные словари.

В издательстве была совсем другая атмосфера. Все здесь было спланировано на десять лет вперед, все хорошо известно и выверено до последней запятой. Маргоше, оправдывая этот порядок, говорила, что под одной крышей здесь собрались лебеди, рак да щука, которые давно уже не помышляют ни о себе, ни о дне морском. Действительно, детство для издательских было забытым куском жизни: мелькнуло полоской света в ночной темноте и сторело, как падающая звезда.

Весь сентябрь, октябрь и всю зиму Маргоша тосковала по школе. Она вызвалась в своем воображении рыночные весы, клала на одну чашку иностранный язык для подрастающего поколения, а на другую — англо-русские словари для работников науки и техники. И чашка с иностранным языком, не колеблясь, опускалась вниз.

После замужества старшей сестры и скорого отъезда ее в Запольярье к мужу Маргоша жила одна в небольшой, увешанной зеркалаи квартире. Почему она не вышла замуж?

Все ее приятельницы и друзья, в том числе и те, которые успели развестись и основать новую семью, задают себе этот вопрос, видя перед собой молодую светловослосу женщину, с превосходными манерами, воспитанную и так далее и тому подобное.

Голубоглазый бронет, инженер-геофизик Коста Самарницкий, вспоминая свои студенческие годы, мог бы сказать, что она слишком возилась с девочниками.

Кандидат экономических наук Женя Федоров и капитан-лейтенант Алик Кренц, каждый по-своему, могли бы ответить на вопрос, почему она живет до сих пор одна. Школьный математик, Огнетушитель, в свое время, расставшись с женой, однажды напрямик сказал Маргоше:

— Я был бы счастлив, Маргарита Константиновна, если бы наши линии пересеклись.

— Вы же знаете, что параллельные не пересекаются, — последовал ответ. Она была учительницей до мозга костей.

Людей, подобных Маргоше, школа часто оставляет старыми девами и год от года черствящими холостяками. Естественное желание иметь ребенка удовлетворяется каким-нибудь обожаемым пятым «би»: «У вас есть дети?» «Конечно! Сорок человек. С легкой вознаграждаются самые сокровенные

СИНИЙ ДИВАН

Михаил АНДРАША

Иронический рассказ

материнские чувства. Вы мечтали о веселом, разном мальчике с пронзительным голосом? У вас их пятеро! Один сейчас готовится назвать чернила в карандаш, другой сидит в Библиоуказе из шестого «а», наибольше впечатлительные молодые люди дают зарок никогда не иметь детей.

Маргوشа в школе любуется. Директор не раз перечислял ее замечательные качества как человека и педагога. Это общественное признание, эта любовь в какое-то время стали заменять ей мужской внимания. А она не могла себя ни чем-нибудь удивить, полагаясь, что почетное место в президиуме совещания заменит ей нежное прикосновение мужественных рук, а благодарность в приказе — поцелуй, Маргوشа покинула школу.

Сначала она пылась на другом корабле, среди полуживых, усталых пассажиров, пылая под другим флагом. Хватило тетрапод, остающих детей, хватил родительских слез и утешений, сказала она себе. У нее будет наконец дом, уютный дом свободной женщины, а не пристанище для сна между последним и первым уроками. И вот, кто заочект прийти в этот дом, надолго расплещет в краску, ну хотя и следовало предвидеть, что почетное человечество должно чувствовать себя в своей тарелке.

Небольшой бар, свертнер, журнальный столик и два синих кресла под торшером. Маргوشа решила расстаться со своей кроватью, на которой спотыкалась целых пятнадцать лет, и купила диван. Диван должен придорожить, как синим креслам, он не должен быть лучше кресел, но и не хуже, журнальный столик и бар с напитками будут составлять с диваном единое целое.

Современный покупатель мебели приезжает в Москву издалека — со всех четырех сторон света; через тайфу и горы, через степи и болота протоптанной тропы в московские мебельные магазины.

Построне была кирпичный дом где-нибудь в цветущей долине Асфранг, вычерпанный полковник аллага навсегда рвет с его пророком. Алмагомтом и переработки в восточном стиле. Его сосед даже уже продал своему жилищу христианский вид! Скритус юнир, перебежчик сидит на полу посередине пустой комнаты, и жаркий ветер пустыни, прохвращившись через асфганские сады, приносит ему дивный мираж. Вот прохлывает столовый гарнитур из эмалированного ореха. Его золотые ручки, его грани и плоскости, цвет и матовая стенка — самое последнее достижение науки и техники. На этой мебели ест, пьет и сидит полигора. Этого гарнитура обладает волшебной силой: он подымает обедующих на погу до урваня стола. «Куплю!» — восклицает хозяин пугающего пона домина — Куплю! Небятный письменный стол, кресло, стулья, сундук и полка. Это все из эмалированного алюминия, сияет поглагоюще своими современными формами пынано «Петрофа». На нем не играют. Да и некому. Ближайшая музыкальная школа находится за четыреста километров от пиано.

Куплю! Куплю! — слышны со всех четырех сторон света эти могущественный, всеобъемлющий возглас.

Маргوشа объездила пол-Москвы в поисках синего дивана. У нее оставался еще один адрес — Дом мебели на Виадом шоссе. И вот этот стейкляный базар — Мешка и Иерусалим памоников за комформом. Ей сразу же, с погор, проморгали красную лампу «альтеу» (превратительная записка), мужчина, от которого неслышно непереваренной мебельной полигору, пообещал свои услуги, если ей понадобится отправлять мебель на край света в железнодорожном контейнере. Похоже, в магазине тебля, не свисавая, две жизни, которые никак не могут сосуществовать в одной. У него нет и нет. Продается только по предварительной записке и другая жизнь, о которой Маргوشа только догадывалась.

Мимо нее проплыл на руках овервью книжный шкаф. В одном из рабочих с радостью узнала своего бывшего ученика — Вервочникову Женю. Она быстро подбежала к нему и удивленно сказала: — Вервочников! Женя!

У нее чуть не сорвалось с уст: «Что ты тут делаешь, так далеко от центра, в этом бедняжке!» Маргوشе довольно часто приходилось встречать своих учеников, но никак не работавших в продаже нет и нет. У него нет и нет. Идет на работу и посылает своей бывшей учительнице один улыбки, а вечером можно обстоятельно поговорить с Маргوشей, постоять где-нибудь на улице, не мешая денежно.

Она была в восторге, которая она встречала, чего-то добились в жизни, но она не знала ни промозжения, требуя упереть кончик языка в небо между двумя бугорками. Вервочников был из ее наиболее благополучного рабочего выпуска.

Здравствуйте, Маргарита Константиновна! — произнес он, правда, без особого энтузиазма.

— Ты стал продавцом? — Она взглянула на его спещуку.

— Берите деньги, — ухмыльнулся он.

— Никуда! — Она не знала, какая профессия в мебельном деле стоит ниже.

— Рабочий магазина. По шатуну распланима. А так — помогаю, кому делать нечего.

Маргарита Константиновна засмеялась.

— У да! Это довольно трудное, но почетное занятие! — Она заметила, что Вервочников еще еще мучил красивые прически на лице, спросила: — Ты женился?

— Не знаю, — ответил Вервочников.

— Да! А кто знает? — Она изволила себя на том, что у нее в разговоре с этим издающим жалким мужичком появились настоятельные нотки. — Это интересно, Женя.

— Мамаша считает, что я женился. Наверное, так и есть. Со стороны виднее.

— Со стороны виднее, виднее. Как поживает мама?

— Спасибо, хорошо. Скоро не пенюно. А я, Маргарита Константиновна, отделилась. Построне себе кооперативную квартиру. Живу в одном доме с кириастриками. Знаете, большой розовый дом на Самотеке! Вонша в семнадцать этажей.

— По правде говоря, не знаю. Во всяком случае, ты забрался высоко.

— Шестнадцатый, — он без гордости сказал Вервочников.

— Знаешь все у тебя — но рай родит?

Он кинулся:

— Ой, рай! А вы к нам случили или вам кто-нибудь из мебели ну какой?

— Женя, — Маргوشа неловко улыбнулась. — Я вроде не могу найти дивана.

— Не беспокойтесь, я сейчас найду. У меня есть большой синего цвета.

— И где и не найдете, — сказал Вервочников. — Вы ведь еще не преоброзились, он оживился, задвигая руками, глаза его блеснули мыслью, голос приобрел настоятельность. — Диван нужно брать из гарнитура. Из римунского туалета. Кто-то сразу берет столовую и спальню, диван из столовой оставляет. Я сейчас найду. У меня есть телефон, позвоните мне по домашнему телефону и позвоните на будущей неделе. Я постараюсь даже вас все сделать, Маргарита Константиновна. Не ездите в другие магазины. Все равно ничего не найдете.

— Да, да, конечно, конечно, — она встала и вышла, — сказала она, записав в книжку номер телефона. — Мама передай от меня привет.

Маргوشа вышла из магазина обмяденная.

Судя по всему, ее бывший ученик не проявил особого энтузиазма от встречи с ней, зато было колунула ее самолюбие. В конце концов все большее ученик становится старше, а учитель — младше. Записав номер домашнего телефона, Маргوشа решила почитать о жизни своих одноклассников. Может быть, это степени своего положения в магазине, может быть, пыльная сплывающая посылка его радости?

— Да, да, конечно, конечно, — она встала и вышла, — сказала она, записав в книжку номер телефона. — Мама передай от меня привет.

Маргوشа вышла из магазина обмяденная.

Судя по всему, ее бывший ученик не проявил особого энтузиазма от встречи с ней, зато было колунула ее самолюбие. В конце концов все большее ученик становится старше, а учитель — младше. Записав номер домашнего телефона, Маргوشа решила почитать о жизни своих одноклассников. Может быть, это степени своего положения в магазине, может быть, пыльная сплывающая посылка его радости?

— Да, да, конечно, конечно, — она встала и вышла, — сказала она, записав в книжку номер телефона. — Мама передай от меня привет.

Маргوشа вышла из магазина обмяденная.

Судя по всему, ее бывший ученик не проявил особого энтузиазма от встречи с ней, зато было колунула ее самолюбие. В конце концов все большее ученик становится старше, а учитель — младше. Записав номер домашнего телефона, Маргوشа решила почитать о жизни своих одноклассников. Может быть, это степени своего положения в магазине, может быть, пыльная сплывающая посылка его радости?

— Да, да, конечно, конечно, — она встала и вышла, — сказала она, записав в книжку номер телефона. — Мама передай от меня привет.

Маргوشа вышла из магазина обмяденная.

Судя по всему, ее бывший ученик не проявил особого энтузиазма от встречи с ней, зато было колунула ее самолюбие. В конце концов все большее ученик становится старше, а учитель — младше. Записав номер домашнего телефона, Маргوشа решила почитать о жизни своих одноклассников. Может быть, это степени своего положения в магазине, может быть, пыльная сплывающая посылка его радости?

— Да, да, конечно, конечно, — она встала и вышла, — сказала она, записав в книжку номер телефона. — Мама передай от меня привет.

Маргوشа вышла из магазина обмяденная.

Судя по всему, ее бывший ученик не проявил особого энтузиазма от встречи с ней, зато было колунула ее самолюбие. В конце концов все большее ученик становится старше, а учитель — младше. Записав номер домашнего телефона, Маргوشа решила почитать о жизни своих одноклассников. Может быть, это степени своего положения в магазине, может быть, пыльная сплывающая посылка его радости?

— Да, да, конечно, конечно, — она встала и вышла, — сказала она, записав в книжку номер телефона. — Мама передай от меня привет.

Маргوشа вышла из магазина обмяденная.

Судя по всему, ее бывший ученик не проявил особого энтузиазма от встречи с ней, зато было колунула ее самолюбие. В конце концов все большее ученик становится старше, а учитель — младше. Записав номер домашнего телефона, Маргوشа решила почитать о жизни своих одноклассников. Может быть, это степени своего положения в магазине, может быть, пыльная сплывающая посылка его радости?

— Да, да, конечно, конечно, — она встала и вышла, — сказала она, записав в книжку номер телефона. — Мама передай от меня привет.

Маргوشа вышла из магазина обмяденная.

Судя по всему, ее бывший ученик не проявил особого энтузиазма от встречи с ней, зато было колунула ее самолюбие. В конце концов все большее ученик становится старше, а учитель — младше. Записав номер домашнего телефона, Маргوشа решила почитать о жизни своих одноклассников. Может быть, это степени своего положения в магазине, может быть, пыльная сплывающая посылка его радости?

— Да, да, конечно, конечно, — она встала и вышла, — сказала она, записав в книжку номер телефона. — Мама передай от меня привет.

Маргوشа вышла из магазина обмяденная.

Судя по всему, ее бывший ученик не проявил особого энтузиазма от встречи с ней, зато было колунула ее самолюбие. В конце концов все большее ученик становится старше, а учитель — младше. Записав номер домашнего телефона, Маргوشа решила почитать о жизни своих одноклассников. Может быть, это степени своего положения в магазине, может быть, пыльная сплывающая посылка его радости?

— Да, да, конечно, конечно, — она встала и вышла, — сказала она, записав в книжку номер телефона. — Мама передай от меня привет.

Маргوشа вышла из магазина обмяденная.

Судя по всему, ее бывший ученик не проявил особого энтузиазма от встречи с ней, зато было колунула ее самолюбие. В конце концов все большее ученик становится старше, а учитель — младше. Записав номер домашнего телефона, Маргوشа решила почитать о жизни своих одноклассников. Может быть, это степени своего положения в магазине, может быть, пыльная сплывающая посылка его радости?

— Да, да, конечно, конечно, — она встала и вышла, — сказала она, записав в книжку номер телефона. — Мама передай от меня привет.

Маргوشа вышла из магазина обмяденная.

Судя по всему, ее бывший ученик не проявил особого энтузиазма от встречи с ней, зато было колунула ее самолюбие. В конце концов все большее ученик становится старше, а учитель — младше. Записав номер домашнего телефона, Маргوشа решила почитать о жизни своих одноклассников. Может быть, это степени своего положения в магазине, может быть, пыльная сплывающая посылка его радости?

— Да, да, конечно, конечно, — она встала и вышла, — сказала она, записав в книжку номер телефона. — Мама передай от меня привет.

Маргوشа вышла из магазина обмяденная.

Судя по всему, ее бывший ученик не проявил особого энтузиазма от встречи с ней, зато было колунула ее самолюбие. В конце концов все большее ученик становится старше, а учитель — младше. Записав номер домашнего телефона, Маргوشа решила почитать о жизни своих одноклассников. Может быть, это степени своего положения в магазине, может быть, пыльная сплывающая посылка его радости?

— Да, да, конечно, конечно, — она встала и вышла, — сказала она, записав в книжку номер телефона. — Мама передай от меня привет.

Маргوشа вышла из магазина обмяденная.

Судя по всему, ее бывший ученик не проявил особого энтузиазма от встречи с ней, зато было колунула ее самолюбие. В конце концов все большее ученик становится старше, а учитель — младше. Записав номер домашнего телефона, Маргوشа решила почитать о жизни своих одноклассников. Может быть, это степени своего положения в магазине, может быть, пыльная сплывающая посылка его радости?

типоволярный плакат и прикрепил его кнопками к стене. Бесслепный гражданин спал в широкой постели, а у ног его вставало зарево пожарища. Улитки и мушки летали в са... — вышло черепашью вилку крупными буквами. Именно этой неурзачной фразой и похоронил Маргаше плакат. Никто его, однако, не заметил среди других призывов и предупреждений.

«Дня через два в английскую редакцию зашел художественный редактор Варлаамов Рабинзон. Он сразу же указал на ошибку, ставил ее не в друка выпить. У него был низкий приятный голос, и Варлаамов играл им на публику.

— Это истинно сказано: не курите и не пейте во время сна,— произнес громко Варлаамов Рабинзон.— Кто-то повесил у нас плакат — гениальный! Не курите во время сна!

Маргаша сказала: — Это я сдулиграфия, а что?

Правильно, Маргариточка! Будуйтея копилка издательства. У нас здесь многие годы работали, за это время съели с палитрой с и зубом; Констанция Ивановна из корсетной прожгла сигареткой тигульный лист. А несколько лет тому назад загорелась большая редакция, правда, от корзин с бумагами.

— Да, в са... — не знала. — Да, Маргариточка,— сказал Варлаамов Рабинзон. Он поддел ногой стул, гуляющая по редакции, приданого ей к Маргариному столу и усеял на работнику.— У меня есть сведения, что в вашем доме у вас бывал ряд наших работников. Самсонова, Степички, даже желторотый Капризов, а я, любящий вас давно и правдиво, до сей поры не получил приглашения.

— Самсонова и Степички — женщины,— сказала Маргаша.— С Капризовым мы стезягуем делами...

— Просите, кто хотите, Маргариточка! Деньги, слова! Поворотливатель Жизни, судам за... Маргаша ступила шагающий порог вашего дома! — играл голосом Варлаамов Рабинзон.

Все мужчины, какие работали в издательстве, все были в том возрасте, когда любовь на стороне ведет к катастрофе с человеческими жертвами. Этот сдвиг целился принадлежал автору, потому что в воображении Маргаша мучили издательство ассоциировалось с коньяком. В классической редакции, например, работал сухарный деловитый справочник, который ей определенно нравился. Он любил жирные галстук, полбеснажные костюмы из синтетики, был всегда обозочен. Кто читал эту книгу, Маргаша не знала. По коридору иногда прогуливался пуляк, многолетний роман из восточной редакции — семейная хроника, рассчитанная на провинциальный вкус: никакая общественных запросов, никакая проблем.

Варлаамов Рабинзон сидевший сейчас напротив и, по своему обыкновению, ассоциировался с коньяком, за это время он был у меня издателя перевод с английского. Он работал в издательстве тридцать лет и все знавал, что у него не хватает оглавления (Варлаамов Рабинзон был разведел), знал, что на некоторых его страницах сделаны пометки на полях и загнуты «ослабились» — даю руку редактору из французской редакции. И все же это был детективный, а не — забавный — коньяк.

— Да, вот, что не забудь, Маргариточка! Насчет вашей мелиброури. Есть у меня приятель в торговле. Сносный парнишка. У него сейчас в торговле обшарились!

— Спасибо, Инат Варлаамович! Мой ученик вот мне за нос,— сказала Маргаша.— Зносно ему каманду неделю. «Нет», «не привозили», «повозите в субботу, Маргарита Константиновна».

— Славная честно, вы ему доложили ставили! — сказал Инат Варлаамович. Он двинулся вперед, как будто хотел пожать руку Маргаше. — Да, Инат Варлаамович, я, наверное, на один дополнительные занятия с ним издателя полжизни. Не жал, если бы парень в люди выбыл, хотя бы переводчиком работал где-нибудь, а то в магазине, помогает кому делать нечего,— с сердцем сказала Маргаша.

— Дочка Иванова! — воскликнула театралью Варлаамов Рабинзон.— Он вам теперь за каманду свою добуку мстит унижением. Кланяться, кланяться ему в носки! Не вспоминай ли, Маргарита Константиновна, осенний день с мурком дождем! Помните, когда вы мне занесли в дневник вызов родителей? Так вот, дочь моя тогда свела по вашей милости, до сей поры siamo so сложности. Там уж очень много! Казалось, Маргарита Константиновна, покланяться мне в ноги. Уверю вас, уверю — это мсты! Кто он еще такой? Вы учили его, вы отдали ему половину своей жизни. И самую лучшую. Вы сейчас прекрасна, а тогда, уверен, были божевствены. Я представляю себе вас в юности. А тогда вы были в са... — не знала. — Делайте! На худой конец — гад! Подсобный рабочий в мебельном магазине. И однажды в этом магазине появляется винощице этой постной жизни, жизни за жалкие гроши, на которые и выпить-то не выльшь как следует. Неудачный мужчина, но очень опечален, не грустный. Поверьте, неудачник — профессор. Первое дело неудачник, второе дело — неграмотный, третье дело — наступал на любимую мозоль. Это и есть мсты, которая доставляет неудачнику удовольствие, на должном уровне поддерживает чувство собственного достоинства. Не унижайтесь, не унижайтесь, Маргариточка,— увещавал ее Варлаамов Рабинзон.— Я заблужд вашей обстановкой. Доверьтесь любящему сердцу! — И Варлаамов Рабинзон картинно поднялся со стула.

Вия обличительным речам Варлаамов Рабинзон, Маргаша перестала звонить своему бывшему ученику. Уникальные телефонные разговоры, недавние и голубые, перестали вызывать в ней ни какой-либо эмоции. Да прощания она прощала, это попорванная дурьяшка!

И вот против всех ожиданий она вдруг получает приятное письмо. «Дорогая Маргарита Константиновна!» — пишет лидер двоичников, неслетивший диплом, неудачливый переводчик и референт. Дед «дорогая Маргарита Константиновна» — пишет он. Вы мне перестали отвечать, а в это время я вам поступила румянские гарантии, в том числе нужного вам синего цвета. Как мне быть? Вы адрес дали мне Вилькин из нашего класса. Если вам еще нужен синий диван, то позвоните мне до 12 часа, а потом уезжайте в отпуск. Вечером, в субботу, я вам перестала отвечать.

Маргарита Константиновна внутренне ликова: не повержен ни один из ее принципов, есть на свете справедливость, есть! Она верила в справедливое распределение в природе: всем поворому, всем по их способностям и даже по тому, кто больше работает. Но почему же он оставил ее на какое-то время увезовать в черную людскую негодворность.

В то прекрасное утро она шла в издательство, гордо развезова над головой свое звание. Золотом горели на нем высокие слова: Честность, Добро, Верность, Порядочность.

По какой-то неурзаковой ассоциации она вспомнила заячий тулуп капитана Гривева. Приходите, тулупинский Гривев огдел в пугу! Пугачевую свою тулуп и в са... — не знала.

— Ах, как плохо мы с вами подумали о моем ученике, Инат Варлаамович! — сказала Маргаша, показывая Рабинзону письмо.— Я ведь говорила с ним по телефону, а телефон способен испоркнуть самые лучшие отношения. Приходите, мне даже некогда стидеться!

— Очень приятно вас, Маргариточка,— заявил своей большой голубой с седым ежиком Рабинзон.— Я обязан забрать свои слова назад. И я их с удовольствием забирю. До последней запятой. Ваш Вервоничков Е. С. видимо, Евгений Вервоничков, который, как и человек, исключительных моральных качеств. Не зря же зря Маргариточка, вы убивали на него свое время. Порядочность и долг для него не просто слова, но, позвольте мне выразиться высоким слогом,— идеалы! Как мало можно встретить среди современных молодых людей идеальности. — И вот видите, ваш Евгений Вервоничков — идеалы! В лучшем понимании этого слова, простой рабочий в мебельном магазине и, оказывается, еще и спортсмен, горюльничок! — Занесима мелочлив, Варлаамов Рабинзон склонил к Маргаше голову и тихо сказал, свернувшись белыми глазами: — Синтетики, что диван у вас есть. У вас, Маргариточка, нет мсты, никак оглавления не в приглашении. А!

— Нет, Никакой! — засмеялся Маргаша.

Варлаамов Рабинзон сказал своим громким голосом еще несколько банальных фраз нечет в новой стрижки и на этом удавился. — Едва завроче для ним дивер, инево Маргаша, воображением, умевшая творить чудеса, усладило грустному Рабинзона на синий диван, чтобы полюбоваться картиной «Мужчина в дожде».

Варлаамов недолго сидел спокойно на диване. Он протянул к Маргаше свою руку с крупными родинками и попытался ее обнять за талию. Его прищипывала Маргаша, герасидит в са... — не знала. — Я поставила перед ним бутылку коньяка и хрустальную рюмку. Варлаамов налил себе коньяку, привычно сплотно и сделал новую попытку привлечь Маргашу к себе.

На этом воображение парикратно транслюцию чудес — идеалы! В лучшем понимании этого слова, простой рабочий в мебельном магазине и, оказывается, еще и спортсмен, горюльничок! — Занесима мелочлив, Варлаамов Рабинзон склонил к Маргаше голову и тихо сказал, свернувшись белыми глазами: — Синтетики, что диван у вас есть. У вас, Маргариточка, нет мсты, никак оглавления не в приглашении. А!

— Нет, Никакой! — засмеялся Маргаша.

Варлаамов Рабинзон сказал своим громким голосом еще несколько банальных фраз нечет в новой стрижки и на этом удавился.

— Едва завроче для ним дивер, инево Маргаша, воображением, умевшая творить чудеса, усладило грустному Рабинзона на синий диван, чтобы полюбоваться картиной «Мужчина в дожде».

Варлаамов недолго сидел спокойно на диване. Он протянул к Маргаше свою руку с крупными родинками и попытался ее обнять за талию. Его прищипывала Маргаша, герасидит в са... — не знала. — Я поставила перед ним бутылку коньяка и хрустальную рюмку. Варлаамов налил себе коньяку, привычно сплотно и сделал новую попытку привлечь Маргашу к себе.

На этом воображение парикратно транслюцию чудес — идеалы! В лучшем понимании этого слова, простой рабочий в мебельном магазине и, оказывается, еще и спортсмен, горюльничок! — Занесима мелочлив, Варлаамов Рабинзон склонил к Маргаше голову и тихо сказал, свернувшись белыми глазами: — Синтетики, что диван у вас есть. У вас, Маргариточка, нет мсты, никак оглавления не в приглашении. А!

— Нет, Никакой! — засмеялся Маргаша.

Варлаамов Рабинзон сказал своим громким голосом еще несколько банальных фраз нечет в новой стрижки и на этом удавился.

— Едва завроче для ним дивер, инево Маргаша, воображением, умевшая творить чудеса, усладило грустному Рабинзона на синий диван, чтобы полюбоваться картиной «Мужчина в дожде».

Варлаамов недолго сидел спокойно на диване. Он протянул к Маргаше свою руку с крупными родинками и попытался ее обнять за талию. Его прищипывала Маргаша, герасидит в са... — не знала. — Я поставила перед ним бутылку коньяка и хрустальную рюмку. Варлаамов налил себе коньяку, привычно сплотно и сделал новую попытку привлечь Маргашу к себе.

На этом воображение парикратно транслюцию чудес — идеалы! В лучшем понимании этого слова, простой рабочий в мебельном магазине и, оказывается, еще и спортсмен, горюльничок! — Занесима мелочлив, Варлаамов Рабинзон склонил к Маргаше голову и тихо сказал, свернувшись белыми глазами: — Синтетики, что диван у вас есть. У вас, Маргариточка, нет мсты, никак оглавления не в приглашении. А!

— Нет, Никакой! — засмеялся Маргаша.

Варлаамов Рабинзон сказал своим громким голосом еще несколько банальных фраз нечет в новой стрижки и на этом удавился.

— Едва завроче для ним дивер, инево Маргаша, воображением, умевшая творить чудеса, усладило грустному Рабинзона на синий диван, чтобы полюбоваться картиной «Мужчина в дожде».

Варлаамов недолго сидел спокойно на диване. Он протянул к Маргаше свою руку с крупными родинками и попытался ее обнять за талию. Его прищипывала Маргаша, герасидит в са... — не знала. — Я поставила перед ним бутылку коньяка и хрустальную рюмку. Варлаамов налил себе коньяку, привычно сплотно и сделал новую попытку привлечь Маргашу к себе.

На этом воображение парикратно транслюцию чудес — идеалы! В лучшем понимании этого слова, простой рабочий в мебельном магазине и, оказывается, еще и спортсмен, горюльничок! — Занесима мелочлив, Варлаамов Рабинзон склонил к Маргаше голову и тихо сказал, свернувшись белыми глазами: — Синтетики, что диван у вас есть. У вас, Маргариточка, нет мсты, никак оглавления не в приглашении. А!

— Нет, Никакой! — засмеялся Маргаша.

Варлаамов Рабинзон сказал своим громким голосом еще несколько банальных фраз нечет в новой стрижки и на этом удавился.

— Едва завроче для ним дивер, инево Маргаша, воображением, умевшая творить чудеса, усладило грустному Рабинзона на синий диван, чтобы полюбоваться картиной «Мужчина в дожде».

Варлаамов недолго сидел спокойно на диване. Он протянул к Маргаше свою руку с крупными родинками и попытался ее обнять за талию. Его прищипывала Маргаша, герасидит в са... — не знала. — Я поставила перед ним бутылку коньяка и хрустальную рюмку. Варлаамов налил себе коньяку, привычно сплотно и сделал новую попытку привлечь Маргашу к себе.

На этом воображение парикратно транслюцию чудес — идеалы! В лучшем понимании этого слова, простой рабочий в мебельном магазине и, оказывается, еще и спортсмен, горюльничок! — Занесима мелочлив, Варлаамов Рабинзон склонил к Маргаше голову и тихо сказал, свернувшись белыми глазами: — Синтетики, что диван у вас есть. У вас, Маргариточка, нет мсты, никак оглавления не в приглашении. А!

— Нет, Никакой! — засмеялся Маргаша.

Варлаамов Рабинзон сказал своим громким голосом еще несколько банальных фраз нечет в новой стрижки и на этом удавился.

— Едва завроче для ним дивер, инево Маргаша, воображением, умевшая творить чудеса, усладило грустному Рабинзона на синий диван, чтобы полюбоваться картиной «Мужчина в дожде».

Варлаамов недолго сидел спокойно на диване. Он протянул к Маргаше свою руку с крупными родинками и попытался ее обнять за талию. Его прищипывала Маргаша, герасидит в са... — не знала. — Я поставила перед ним бутылку коньяка и хрустальную рюмку. Варлаамов налил себе коньяку, привычно сплотно и сделал новую попытку привлечь Маргашу к себе.

Помнится, он вырвался. В старших классах у него были твердые, основательные тройки и вполне заслуженные четверки. Видимо, его постигла судьба многих выпускников: срезался на экзаменах в институт, работа — и процесс высшего образования. Он видит в июне лететь на лыжах! Он должен чувствовать себя игроком среди удачливых кандидатов наук и молодых профессоров, скользящих по ослепительно белому снегу...

Она поговорит с Вервочниковым серьезно. Как бывшая классная руководительница, она имеет на это право.

— Маргоша умная, говорит со своим учениками!

— Валерия (Коля, Толя, Катя, Инна), мне нужно поговорить с тобой серьезно. Я озвочена твоими оценками. Смотри. Кривая идет вниз: четыре, четыре, пять, три, три, два, один... Единца. Теперь давай подумаем, как мы будем жить дальше...

— Маргоша не знала, а какие слова следует обрывать навеликомое напоминание об институте и необходимости для Вервочникова пробраться к вершинам знаний. Скорее всего это будет скромная дружеская беседа: «Я могла бы по старой памяти позаниматься с тобой английским...»

И вот они сидят друг против друга — учительница и ученик. В комнате благоухает новый диван. Пахнет лаком. Предвечернее солнце на полчасе задержалось в полпрозрачных подлонотках. Это диван-кроватка. Синяя обивочная материя немного отличается по тускоте тона от красной, но если вспомнить, что диван куплен за глаза, то придется признать: куплен удачно. Вместе с креслом и журнальным столиком получились гарнитуры.

— Жена, кого ты еще встречал из наших, кроме Сави Вильянки? — спрашивает учительница.

— Кто? Да они почти все у меня папаса, — говорит ученик. — Весь наш класс. Кремлева вышла за водолаза, брала у меня детскую кроватку. Валя Костырина и Жюльба приезжали, тоже сделал им... Да все...

Ученик сидит в кресле. На нем новый сатиновый халат, в отвороте халата виднеется короткая ослепительно белая рубашка и галстук. Лицо его совсем-совсем красное, красные прыщи едва различимы. В уголках рта ямочками играет улыбка. В левой руке ученика между пальцами торчит дымящийся папироска.

— Все ребята хорошо устроились. Закончили работу, работают... Гришин женился на Сударевой, оба уехали в Бельгию, вазают в нашем торговпредстве.

— А ты? Расскажи о себе чуть-чуть подробнее, — говорит учительница.

— Живу — не жалуюсь, Маргарита Константиновна. Получаю по ведомости девятно три рубля сорок восемь копеек. А там — еще немного.

— В каком смысле «там»? — спрашивает учительница.

— Так! Я же в торговле... Имеется еще и другой заработок — с грехом пополам.

— Значит, девятно три рубля с копейками плюс с грехом пополам? — выводит, торопясь, учительница.

— Сколько же у тебя, прости за вопрос, выходит?

— Как когда. С грехом пополам и триста и триста пятьдесят. Я не зарываюсь.

— Да, Жена, — произносит учительница. — Получаешь борзими щенками. Как гонимая наша Собачка на уроках литературы.

— Дают — бери, а бьют — побежал, Маргарита Константиновна.

— Я этой механики, право, не знаю. Но если ты меня не боишься, расскажи. Это для меня интересно. Ребята мне иногда рассказывают о своей работе. Я прошлым году и встретил Сударова из паравозного депо.

— Два часа стояли на улице, он мне о своем синхрофазотропе повествовал.

— У нас механики попроче... Только, Маргарита Константиновна, а с вами как со своим человеком... Я вижу, у вас иные взгляды на некоторые жизненные вопросы.

— Что поделаешь, Жена!

— Жизнь — сложная штука. До крайности. Вот возьмите мою работу. Вы видели. Пойди. Возьми. Подыми. Отнеси. Поставь. А на самом деле каждой день — общение с покупателями. И тут необходимо иметь собачий нюх. Вот так, Маргарита Константиновна.

— Ну, допустим, у тебя прекрасный собачий нюх. Что дальше?

— Дальше. Кто тебя просит? Что за человек? Откуда приехал? Откуда прилетел? Какое матовозможности? А может, ему, кроме Грановитой палаты ничего не нужно. Тут необходимо быть тонким психологом.

— Ну, человек сгиб сгиб, что дальше?

— Ну, человек сгиб сгиб, что дальше? — везде таблички стоят: «Нет в прода же», «Продено», «Продаже по записи. Вот и вся работа.

— А дальше, дальше-то что?

— А все, Вилди-пудли, как говорили древние, — улыбнулся ученик.

— Да, — сказала учительница, — да. Матовозможности — это ты придумал!

— Я, А кто же?

— Она вдохнула, он произнес с улыбкой: «Синхрофазотрон...»

— Они поплавали.

— Когда ты едешь в горы?

— У меня путевка с тринадцатого. Вылетает вечером двенадцатого числа. Надо приехать в порядок свою неравную систему. Город. Ужасные психологические перегрузки. А там — горный воздух, лыжи, горные склоны. Вообщем я приехал и выхожу, нужно жить еще время за городом. Едешь на работу на машине. Дачу надо свою иметь. Дачу!

— Желая тебе хорошо покататься на лыжах. Что-то я еще хотела тебя спросить! Не вспомню, лядно. Теперь это и неважно. Лядно.

— Маргарита Константиновна, если вам что-нибудь...

— Понимаю. Что за вопрос, Жена? Я немедленно к тебе обращусь. У меня есть твой телефон. Я знаю его наизусть. Будь здоров, Жена. Конечно, мне очень жаль, что в твоей работе в магазине тебе не нужен англахский.

— Сидеть в уме до тысячи нужно хорошо. Этого за глаза хватит. Ну, еще и гинть краски поставить, когда прорисовать, — засмеялся ученик.

— Что ж, видишь-пудли, Жена! — сказала учительница.

— Видишь-пудли, Маргарита Константиновна.

Вервочников умолк, забавный жест и совет! Мерзкая личность! Чему тебя учили в школе, в комсомольской? Хочется руки положить и открыть окошко. Благородный гнев. Слезы. Вся эта мелодрама не для Маргоши. Она стоит подле окна, как стояла здесь час назад, высматривая вину, на улице, автофургон с диваном.

У нее сумка на душе. Камнем лежит досада...

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Проглядывай ливень, влажный обманок
Сладает на пространные равнины,
На белый снег, на поздне картный.
Небрежность кисти, быстрота лязгов.

И ливня нет — но сирю на ветру,
Рабит вода, синя сплюснот к луже,
И птицы оплошают туже
Зелено-синий голубе поутру.

И плав берез, весенний плач берез
Переплывает голубые жиры.
И мы с тобой и молод и живы
В горячишем беге ослепленных слез.

В одушевленном свозняке зима,
Где свет визжит, раздвоенный
Над луи удаи соединии с тобою,
И вот теперь неразделенный мы.

Открыты уюру и суду,
Бессильные в желелом оправданьи,
Могли мы ль благодарить судьбу
За это ммолетное свиданьи!

За приговор, пронизанный явух
Над головами нашими вечною,
Танявший смысл,
Что буда в несчастна

И плоть твоя перечекает мой дуд.

Спасибо мы, что не согнали долет.
Среди омежеченных и далекки,
Студеный воздух ощущая в легки,
Как радостно тебе я назвала!

В твое дини и умереть не жаль,
И жинье беззвучно и необъяснимо,
И без благословения едва ль
Кого-нибудь я вспомяну эту зиму!

Ее лучей пронзительный побег,
И свет зарн на запоздавших звездях,
В твои слова преобранный воздуз,
И твои дышае обращенный снег.

И та змья, которой ты храним,
И высота над именован тоям.

Март перепутал снег с дождем
И радость правдивее с грешинам,
Чего мы ждем —
Мы солнца ждем.
Что гоним мы —
Мы стужу гоним.

Мы гоним поздне снега,
Перехорониве дорогу,
Сегодня пасмурно долга,
Как гласная в начале слова.

А завтра будет день длинней,
Теплее солнце, воздушнее чише,
И тройка бешеных коней
Оставит пыль над пеленящем.

Звезда и пыль из-под поныт.
И ступа правдивее с грешинам,
Судба то запинано хранил,
То шагом движется несчастливым.

Снався, повторствует в делах,
Как луж дрожит на удала,
Как тело стертю ремешкаки.

Коса и зная: далеко,
Где спит белая пороша,
Нам будет твое и легло,
Но бесловесное и ялошо.

И потому мы так спевшим,
Гоня и месцы и лета,
Чтобы остался нерушим
Храм доброты, тепла и света.

И потому мы вечно ждем:
А здур дана перед кончиной
Нам спутать следствие с причиной,
Итог — с началом, снег — с дождем.

Память раннего детства — в оконом стекле.
Как крест-раннее бумаге его шуршало!
Я оконом войны сохранию в столе,
Серебристый, неровный осколок метала.

Он летал между серых домов, на земле,
Неподожки, неодушевленно, устало.
Я его принесла осторожно домой,
Разглядыва, был ничего не прошая.

Он был холоден летом, безжизнен зимой,
Он жестоко правдой делился со мной,
Молчаливо ладном оно отощая.

Он, наверное, мог бы задеть те мои,
Оказави в леги серой темноты домки.
Он летел, отпугиваемо в небе звеня, —
Не зная так ни дождя, ни снег, ни камешки.

Он летел, чтобы радом со мною уласть,
Неопытный, пониувающий грозное тело,
Ощущающий заданной скорости власть.
Он оттуда летел, где воронка чернела.

Я едва научилась ходить по земле.
По утрам разбегалось и поздно светало.
Спит рубленой мой в неге, в оконом, в тепле,
Руги смываея впраста на дожде.

Я оконом войны сохранию в столе,
Серебристый, неровный осколок метала.

СКОРБЯЩАЯ ПО

КОВИТЯНКА

МАРШРУТЫ
БЕССМЕРТИЯ

Анатолий ИВАЩЕНКО,
Владимир ВОЛОДИН (фото)

*Потом на память людям бо-
рожники поставили на обочо-
ке указатель — «д. Красная»,
Гогоурлы.*

*— Была деревня, потому и
знак нужен. Может, кто-то
вернется.*

Из дали лет порой всплы-
вают такие щемящие
воспоминания, что прош-
лое начинает властно
звать тебя к себе. То за-
ветной калиткой, то ста-
рым кленом...

Нет, прошлое не уходит, мы носим
его в себе, ибо мы созданы им.

Я тоже ходил в свое былое. И к ка-
литке, и к клену, и к старому околу.
Видел, как ходят другие, знаю, что
чувствуют при этом.

...Человек стоит у блиндажа с про-
висшим накатом. Из земли торчат
трухлявые бревна. В траве — сплюс-
щенный котлодок. На мотке раковой
колючки сверкают тяжелые капли росы.
Сверкают и падают.

Неподдалку обелиск со звездочкой,
два креста... А за ними у опушки мерт-
во роночет трактор со сцепной се-
лкой.

Но человека влечет не только то,
что пережили мы сами. Еще и то,
что выстрадали другие. Отцы, деды,
пращурь. Их мы тоже носим в себе.

...Однажды на встрече с прошлым
отправилась из Ленинграда студент-
ка Репинского института, будущая
скульптор Антонина Усаченко. Пошла
потому, что прочитала в «Комсомоль-
ской правде» мой очерк «Была на
земле Красуха». Она читала его и то-
же думала: почему страшные трагеди-
и борьбы против фашизма ассоцииру-
ются с Лидице, Ковертрон, Орадуром!
Почему лет в скорбном и муж-
ественном этом ряду имени рус-
ской деревни! Той же Красухи! Разве
не мы оплатили победу самыми
большими жертвами!.. Мы.

То, что произошло в Красухе, — тра-
гедия не сотен, а тысяч деревень. Но
горе, какое нес по всему свету фа-
шизм, здесь чудовищно спрессовалось
на крохотном клочке земли.

Когда началась война, красноармейские
мужики ушли на фронт. Ушли, как
уходили все. Когда нацистские захватчи-
цы похитили краев, те, кто не по-
пал в армию, стали партизанами. Так
тоже было везде.

Сенька Жаворонков, хлопчик лет де-
вяти, сидел в стальной избе и смотрел
за окно на проталины, на голые вь-
ломи и все ждал: когда же сегодня
опять победит снег. Сенька уже не ду-
мал ни о матери, которая останется
одна, ни о том, что его, наверное,
убьют, ни о том, что хочется есть.
— Снег, скорей бы только снег!

...Он собрался мстить за отца еще
в тот день, когда почтальонша доста-
ла из сумки конверт, разорвала край
и поблеснула иронично лисью на пол.
Она плакала вместе с матерью и
хрипло повторяла: «Убитый он... Еще
летом убитый».

Сенька знал, что на войне убивают.

ЗДЕСЬ И БЫЛА ДЕРЕВНЯ КРАСУХА.

И ТОЛЬКО ПЕЧНЫЕ, ВОЗ-
ДЕТЫЕ К НЕБУ ТРУБЫ
ОСТАВАЛИСЬ ОТ СОЖ-
ЖЕННЫХ ДЕРЕВЬЕВ.
...ЭТО ТОЖЕ ПАМЯТ-
НИК — ВОСТАНОВЛЕН-
НАЯ ПЕЧЬ.

вами: «Зуб за зуб!», «Волос за во-
лос! Смерть за смерть!»

Среди этих листов попадались таин-
но, на которых следовали писаны
нетвердой детской рукой.

Потом такие листки пропали. И лю-
ди скорбно вздыхали, не верили слу-
ху, что нету больше того хлопчика в
жмык. Погиб...

Как и многие краскуские фрон-
товики, получил письмо о расказах
о жупом дне и следов Андрей Пав-
лов, муми Марин. Он уже похоронил
в разбитой блиндаже племянника
Никола Колцова, бежал рядом с Алек-
сандром Филимоновым в последний
смертный его час. А теперь, узнав о
детях, перестал бриться, ходил хму-
рым, вне очереди просился в разведе-
ну и надвине с самим собой хрипло
напевал горючую песню:

Врани сонгали рофую хату,
Судили все его семью,
Иуда зыра чти сондату,
Кому чести печаль свою?

Его убило в танковой атаке, пряло
у танка, который он подорвал. А за-
делики несли свою несть все дальше,
освобождая дальние польские, вен-
герские, австрийские города. Несли,
хотя сами, уже последние, гибли на
дорогах войны.

...На расцвете молодой лось трубно
звал на бой опытного соперника. Он
вышел на поляну, и по лесу показы-
лось гулкое эхо от ударов крепких
рогов. Билось долго, не слыша, не
видя ничего вперед.

А за лесом все нарастали, шири-
лись звуки утра. Едва отпели пету-
хи, как вспыхнула топорина звень,
одиноко, зурчали тракторы, по до-
рогам завили грузовики. Это прина-
длежащие с войны солдаты ставили
на пепелищах избы, выгоняли транто-

УЖЕ ВУКН ТЕХ, КТО СЖАЛ-
СЯ С ФАШИЗМОМ, ПРИХОДИТ
СЮДА.

ры в заросле чертополохом, места-
ми еще не разминированные поля,
еще за киркомом, за семенами.

Завтра выкопаю...
Только в Краскуху со всей земли не-
много было вернуться. Тут жила лишь
обликая с надписью: «Здесь... невели-
ко-фамильским заезжаникам... рас-
стреляно и сожжено 180 жителей до-
ревни Краскуха». Потом на память лю-
дям дорожники поставили на обочи-
нах указатель — «д. Краскуха». Гово-
рили:

— Была деревня, потому и знам нуж-
но. Может, кто-то вернется.

Рассказывали, будто увидел один
шофер, шофера из деревни обликая,
сожгли тут его мать, невесту... И, го-
ворят, объезжал он Краскуху кру-
жными дорогами. Только раз не вы-
держал, заехал. И было, как в той
леске:

Нинто сондату не отвяти,
Нинто его не повстречал,
И только теплый летний вечер
Траву могильную мчал.

Как же про все это сказать людям!
Мы победим, а где — не о торже-
стве. Здесь все про горе. В ту пору
еще обрастали травой забвения
братские могилы, бегали черныль-
ные надписи на фоне белых обелисков.
В горюем лесу под Ленинградом у
рыжых лафетов еще дотлевали не-
прибранные останки пушкарей...

Но забвение не могло стать черной
народу, хотя прошло почти двадцать
лет, пока улеглась та страшная боль
и прозвучали святые слова: «Ничто
не забыт, ничто не забыто». И как
поползели они за эти годы, карточ-
ки погребшим отцу. Мальчишам в
солдатски погонях смортели они со-
стен. Им на тех карточках лет скоро
стало меньше, чем сынам. И синовы
узнавали, где дикался их отец, кто бы-
л его друзья, как встретил свою
смерть и где его могила. Они пошли
тем же дорогами, где ходили солда-
ты. Такие походы стали частью жез-
ни комсомольца 60-х годов, чем сменял
не только логарифмическая линейка,
палатка на степном ветру, но еще и
островвертая будничная, гимнастера
с погонями и пара альпа гонимые.

Когда Тоня Усаченко, все бросив,
пошла пешком по исконной земле,
тогда это явление еще только рож-
далось. Еще не было взрослых следо-
пытов, и еще только похоронили
под Ленинградом тех пушкарей.

На белые листы ватмана поминки
все новые и новые штрихи. Эскиз за
эскизом, записки за запиской. Она го-
ворила со старонилкам, рассматрива-
ла старые фотографии, искала оче-
видцев... И опять на бумагу поминки
много выходящее глаз, срез профу-
лей под черными платками... Исхо-
щие, повизье жилами руки...

Потом она день за дня несложно
лет, как рассказывал мне профессор
Михаил Архипович Керзин, сменяла
себя в поисках решения темы Краску-
хи, решения, где было бы не только
горе. Но много больше, глубже. Как
сплести в едином образе и печаль и
мужество!

И чем дольше Тоня искала реше-
ние, тем яснее понимала, что надо
назвать образ старой крестьянки, из-
вать в строгой реалистической на-
дере, хотя успех здесь не мог прийти
только с очень высоким мастерством.
Или о чем другом она уже не могла
думать, ничего другого делать...
Однажды я получил письмо. Она
звала посмотреть работу, которую
назвала «На пепелище». И еще писа-
ла, что собирается передать ее
пискомыв... Потом мы выставили
дипломных работ студентов. Теплы
ленинградцев подолгу стояли у ста-
туи старой крестьянки, в глубокой
скорби опустившейся на порог
сожженного дома.

Что сказать о ней! На нее лучше
смотреть. Судите сами, здесь сказа-

МИНУТА МОЛЧАНИЯ.

но все... Скажу только, что от многих я слышал: «Это моя бабушка. Как похоже...» Наверное, выше не оценишь.

Приезжали смотреть скульптуру из Пскова, Порхова... Я ходил в Совет Министров РСФСР с материалами о Красусе, ходатайствовал об увековечении ее памяти. Почти год мастера на заводе «Монументскульптура» переводили статую в серый гранит. В области шел сбор средств на сооружение мемориального памятника.

Двадцатипятилетие изгнания захватчиков с псковской земли область отметила у священных пепелищ погибших, но не покорившихся деревень.

Были речи, был почетный воинский караул. И когда кончился митинг, произошло то, чего никогда не предугадашь. Родные и близкие погибших разошлись не по полу, разошлись словно по улицам и переулкам и по чуть приметным признакам нашли незабитые подковы красуниц, постелили в траве сватерги для трезны... И допели старую песню:

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойдемся навзничь кам...
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью поспайка...

Может, мужской, чуть громче дру-
гую был голос того солдата-оффера,
о котором ходит легенда. Может, это
был кто-нибудь другой из тех, что
«шел сюда четыре года», что «три
державы покорила». Под ветлами да-
леко расстелась простая мелодия:

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшаяся надежда,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

А на пустое поле, на старые ветлы
с холма наваленными своими глазами
глядела Скорбящая псковитянка.

Уже пропотаена и тому холму
тропа. Люди несут и несут сюда цве-
ты. Скорбящей псковитянке народ
дал имя — Прасковья. Тоня Усаченно
за эту работу удостоена премии Ле-
нинского комсомола.

Я долго получал письма, где люди
писали о своем понимании памятни-
ка. В них было много трогательных
слов. Вот отрывок только из одного
отзыва:

«Поцелую руки Псковитянки и ру-
ки скульптора. Я видела все-все свои-
ми глазами на псковской моей зем-
ле. Там была в оккупации, там пар-
тизанила. Вот она сидит передо
мною, мать, для которой все кон-
чено.

Я знаю, она никогда уже не улы-
бнется. Но она женщина! Она мать!
И, знаю, она — об этом говорят ее
руки — встанет и будет работать.

Она будет суровой и строгой, но
доброй и заботливой. Ее будут лю-
бить другие дети...»

Скульптор рассказал все, о чем
страшно вспоминать, но о чем нельзя
забывать. Поражаюсь, как смогла она
так пожить и показать то, что видела
и знаю!!! Она будто была со мною
и знает, как страшно пахнет дымом
на таких пепелищах: они чадят неде-
лями и месяцами. Сивачила густой
дым, потом дымок с таким захвотом
— вовек не забудешь. Идешь же
один километр, а он за тобой. Им тя-
нет и тянет по ветру.

Когда я ее увидела, то первое, что
подумала: «Как же много у нее об-
щего с моей бабушкой! Она была
крестьянка. Это ее руки... И шаль она
носила так же. Только моя много
плакала — эта не будет. Но жалеть
людей она будет так же, как жалела
моя!

А черты ее лица очень напомина-
ют черты лица моей матери. Моя
мать часто вот так же задумывается...
Спасибо Вам за Ваш труд!»

...Вот и все о Красусе, о Тоне Уса-
ченно, о «Прасковье». Это был и мой
праздник. И мой след на земле.

ТРАГИЧЕСКОЙ
И МУЖЕСТВЕННОЙ
КРАСУХЕ
ОТ ЗЕМЛЯКОВ

СЛАБИНА

Внушальная я:
ты можешь мне внушить,
что лучше бы тебе с другой, попроче,
жить,
что таящая судьба —
жена с умом в придачу.
И я тебе поверю и поплачу.
Я близорука. Я не узнаю
друзей.
Цепляясь за руку твою,
в крошечной тьме не сделаю и шагу,
все уповая на твою отагу.

Какая я разная —
просто страх.
Умею заблудиться в трех соснах,

не нахожу знакомого маршрута,
не в та подъезды тычусь почему-то.

Но мне нельзя внушить,
что правый — виноват.
Мед
ослепу
я не приму за яд.
Собрались выплыть там,
где долгу томит,
не попаду ошибкой в сынный омут.

Ты, смившийся с моею слабостию,
привыкший быть
опорной стороной,
не повторяй, что я немножисма,
не делай меня слабою насильно.

...Но вот однажды самолет

меня унес,
И я безстрастно
незрелая, как анзуд цветет
мозаечное пространство.

Тут не слышали про «метранж»,
не бредили «миллионной нормой»,
чернел единственный шалаш
на берегу реки огромной.

И милосердной медсестер
и хирургии эффективней
мне показался тот простор,
серебристый, молочный, синий...

Вернулся я.

Угрюмый быт
опять велит спрягаться ржишей,
опять заваляли грести
душе, недавно вспарившей.

Но та — живая.

С недавних пор
есть у нее своя опора:
простор Оби,
тайги простор —
предвестник вечного простора.

ЗМЕЕЛОВ

Змеелов! Твоя судьба не из отградных.
Ты идешь путем дерева и заперой
По тропе в перерывающихся платнах.
С пняком, флейтой да мешком для сухарей.

Вскорил скорбию, бессонницей взлезлея,
Вскосил сыростью с весенних тростников,—
Ты выкуривавшь змей из их расцелия,
Ты выдрознивавш змей их из пеньюна.

И ползут и подчиняются змелятно...
Между тем тебя давно дозвона бы зять
[По глазам и по разорванному платью]
Их сырая, раззолоченная зять.

Глаз твои суж [как бы кружащий в чаше алаги,
Но не молчуний, а тонущий сучок].
Неотступный [не мешающий отаге].
Ровным ужасом расширен твой зрачок.

Ты и сам — на этой ниве сна и яда,
Обезвреженный зубом, усталый жал —
Тышную остоминившегося взгляда
У врагов твоих смертельных переня.

Ударила опера громом
Над миром притихшим и серым.
Над пленем, с ней незнакомым
Но первым запел «менестрель».

Но первая песня — за нищину.
Но первая — за гондольером.
За бедной швейей,
За старукой,
Качающей колыбель...

...Журчит.
Пробирается к свету,
Сочится из каменной чашки...
Бежит.

Пробивается к свету
Ключком заколдованных слез...

Поэмы — аббатства больше,
Романы — империи наши,
Симфония — царство мечтаний,
А песня — республика грез.

Как синее небо, протая,
Над синими
Львами.

Как синее небо, протая,
Над тонущим несонным антаром.
Народья — ныне и встарь.
Она поднимается к солнцу,
Как заворонком над намк,

А к ночи спускается в море,
Как тонущий несонный антар.

Как синее небо, смиренная,
Ткля и смиренная.
Как синее небо, смиренная,
Как небо, горда...

Ее расцветает излуччик,
Погончик поет вдохновенно...
Но странная тишь на запятках:
Лякей не поет ниогда.

...Гранить, шифровать самоцветы.
[И думать-то бросим!]
Гранить, шифровать самоцветы

Слышите! Ветер, тихий ветер свежей тени

С пламенного куста перепелот...
Дзе не азять тебя истоме смертной пеня,
Раз не желтая горька — твой удел.

Жребий твой [как поясники бы софисты]
«Все живое» останавливать вокруг:
Лес не ветлами, я жесткым ветвистый,
Лог... Без надобности динувшился луг...

ЛАСТОЧКИНА ШКОЛА

И медвеье вещь ковать;
Ремесля сивчала изучим. Но песню.
Но песню споед — и не спросим;
Нас ласточка петь научила,
И полно о том толковать.

Напрасно сухарь-мелестрзизгер
Грозит нам из старых развалин.
Напрасно

Перстом велчавым
Нам путь укажет педант:
Волов поговоривши с песней
Цыган непрофессионален.
Простан-соловей гонялина.
У заворонки — талант.

И парик нет между парий
[Бродяг, дервишей, прожженных,
Слепых, на соломе рожденных
Под зван андалузских гитар].
Босебшого меж боскьями,
Дерзешего из беззаконных,—

В чьем сердце не мог бы открыться
Тамиственный песенный дар.

Не только в дорогах далеких,
Не в комнатах, полных дремоты,
Живой,

Срезать з озера непрошенные грани,
Все, что едет, придераться на тормозах:
Пашню, полную несных порываний,
И расселину, плывущую в глазах...

Так разладить высших целей сообразности
[Завитками прогнувшую кругом],
Чтоб императорский мальш,
Забыв опасность,
Зашагал по дну долины
Боском.

Змеелов!
Хотя и в смерти обязуюсь
И в безумии тебя благословить,
Жребий твой не умереть, не обезуметь,
А вневременные земли обживать!

И по рекам, рекам мутным и свободным,
Полным сил, запороженными, живым;
По дорогам, по дорогам бурным, водным
[А весной наполновым снеговым].
На плато, по перекатам, пенным зевлем
К человеческую горду приплывть,
И за невзваст томятельную к змелям
Чудакм, людьям не понятая, прослыть!

Неподвластный учету,
Родится невероятный звук:
О лишний клавишу сыщет
И все перепутает ноты...

Блажен, кто остался цыганом
И так, под броню наку!
У песни особые тропы.
Особый у музыки разум:
Не взглядом, душой и пристрастным,
А пальцами ищешь концы.
И если им что-то находим,
То чаше чужьем, а не глазами:
Нередко [включая Гомера!]
Слепым бывають поэты...

...Бежит,
пробивается к свету
Родник Неплююя священнический,
Тростник перевоу драгоценный,
Гром куницы, тайна, вопрос...

Посмотриши: больше романы,
Как Цезарем вздыте страны;
Симфония — царство мечтаний.
Но песня — республика грез.

СЛОВАЖНАЯ НА

Статья «Личное мнение академика Целикова» («Смена» № 10, 1972) приглашала к спору. И причина, конечно, не в том, что точка зрения видного советского ученого несла в себе заряд дискусионности. Подготовка научных кадров, которые не только бы соответствовали научно-техническому уровню сегодняшнего дня, но и могли бы своим творчеством определять направление научного поиска в будущем, — это проблема проблем для всех без исключения развитых стран мира. Как учить? Кого учить? Чему учить? Когда учить? Сколько учить? — все это отнюдь не простые вопросы. Одно то, что даже у маститых ученых нет на сей счет одного взгляда, подбуждает сложность проблемы.

«Личное мнение академика Целикова» — мнение директора отраслевого научно-исследовательского института. Сегодня «Смена» предоставляет трибуну руководителю технического вуза.

С ректором Московского автомобильно-дорожного института Леонидом Леонидовичем АФАНАСЬЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Леонид ПЛЕШАКОВ

Спор о проведении исследовательской работы и подготовке научных кадров в области техники, академик А. И. Целиков утверждает, что сложившееся ныне положение не соответствует требованиям народного хозяйства страны. Он считает, что тематика диссертаций должна быть тесно связана с нуждами промышленности, что значимой научной работой может считаться только та, которая доведена до производства. Он критикует в этой связи не только организацию и уровень научных исследований в учебных институтах, но и самую методику подготовки студентов, как учебную программу, которая якобы перегружена второстепенными дисциплинами, бесполезными при будущей научной работе. Согласны ли вы с академиком Целиковым?

— И да и нет. Верно, что важная диссертация должна приносить пользу нашему обществу. Но я против того, чтобы право на жизнь имели только те научные работы, которые сразу же могут быть внедрены в производство. Если бы мы поступали так, то никогда бы не имели научного потенциала, адела фундамента будущих открытий. Решая только сегодняшние научные задачи, не задумываясь о проблемах завтрашних, послезавтрашних и более отдаленного будущего, мы были бы страшно бедны.

История научных открытий у нас, что познание нового — это не какое-то равномерное и одновременное продвижение вперед всех областей человеческого знания. Многие изобретения

УЧИТЬ

настолько опережали свою эпоху, что внедрялись в производство только десятилетия, а то и сотни лет спустя. Они появились на свет гораздо раньше, чем люди могли ими воспользоваться: не было достаточно развитой промышленности, или не были еще открыты необходимые материалы, или, наконец, в новых машинах, станках, технологических процессах не было еще потребности. И хотя эти изобретения намного опередили свою эпоху, долгое время лежали без пользы, человечество здорово бы проиграло, если бы они не были сделаны в свое время. Они не просто ждали момента, они заставляли вести поиск в определенном направлении. Вудили мысль ученых, инженеров, конструкторов.

Вспомнить хотя бы роторный двигатель Ваккели. Этому изобретению лет пятьдесят. Вводять в автомобильную историю его начали лишь в последние годы. Сейчас в Японии ежегодно выпускаются сотни тысяч автомобилей с этим мотором. И специалисты всех стран в один голос заявляют, что за двигателями Ваккели — будущее.

Или другой пример. Русский изобретатель Романов ездил на электромобиле по Петербургу еще в 1901 году. Он открыл принцип использования энергии аккумуляторных батарей на автотранспорте. Но пока за семьдесят лет так и не удалось создать достаточно экономичных и

энергоёмких аккумуляторов, способных конкурировать с двигателями внутреннего сгорания. Изобретения Ваккели и Романова указали нам направление поиска, хотя в те времена, когда они были сделаны, их практическое значение приближалось к нулю.

Другое дело, что есть еще у нас кандидатские работы, которые не нужны ни сегодня, ни завтра — ни практике, ни теории...

Опыт показвал: трех лет для кандидатской диссертации вполне достаточно. Собственно говоря, что такое аспирантура? Это — продолжение образования, полученного в вузе. Только учат здесь научной работе. И, присвоив степень кандидата, мы как бы говорим: теперь наш выпускник может вести научную работу самостоятельно.

Естественно, что в аспирантуре нужно выбрать наиболее подготовленных, сильных кандидатов и специалистов. Тщательно должна подбираться и тематика диссертаций. Но это ни в какой мере не значит, что срок даже для самой сложной работы следует растягивать вдвое.

— Но может случиться, что тема настолько трудна и исследованию, опыты, интерьеры она требует, настолько растягиваем во времени, что на их завершение трех лет действительно не хватит.

— Такое случается. Но это чаще всего из-

л работ в экспертных комиссиях ВАКа, знаю по своему опыту: ко всем работам отношение там внимательное, а проверка — тщательная. Такому же, такое отношение относится не только к общему уровню науки в США, ФРГ или какой-либо другой развитой стране. Уровень этот достаточно высок. Речь идет только об учебных степенях и работах, за которые они присваиваются. Из-за определенного несоответствия в оценке труда соискателя трудно говорить и о самой подготовке научных специалистов.

— Академик Целиков считает, что у нас слишком большие средства распыляются на научные работы в институте. Почему? Почему не имеет эффект от защитных там диссертаций и т.д. Он утверждает, что научно-исследовательская работа проводится в вузах менее квалифицированно. Оснащение лабораторий там хуже, чем в НИИ. Непосредственная связь производств с вузами существует. В общем, если мы хотим в дальнейшем готовить ценных научных сотрудников, то делать это следует в НИИ, причем начинать со студенческой практики, история должна продолжаться в научно-исследовательском институте. Согласны вы с этим предложением?

— Проще желать, чем не можем отразить на практике в НИИ всех студентов. Это нереально: НИИ смогут принять не более одного процента. Правда, в некоторых вузах студенты практикуются только в научно-исследовательских институтах — об этом говорил профессор. Но ведь это — пока исключение, а не правило. Там особый профиль обучения, особые задачи при подготовке молодого специалиста.

Нельзя согласиться и с приравниванием вузовской науки. На самом деле больше платят ста процентов докторов и кандидатов наук работающих в высших и средних специальных учебных заведениях страны. Регулярно вузовским ученым присуждают Ленинские и Государственные премии за выдающиеся работы в области науки и техники. Выходит, их научный труд приносит обществу пользу и ведется не просто для поддержания квалификации...

Конечно, у нас еще не все прекрасно. Но ведь можно найти недостатки и в работе многих НИИ. Однако мне не хотелось бы сейчас свести спор к мелочам. Важен принцип. Важна суть дела.

— В чем эта суть заключается?

— Сегодня laboratories большинства вузов страны хорошо оснащены новейшим оборудованием, приборами и могут с успехом решать научные проблемы, поставленные перед ними. Наш институт, например, для всех исследователей ежегодно приобретает оборудования более чем на миллион рублей. Причем иногда это импортное, изготовленное по последнему слову мировой техники.

Верно, мы проводим годобидные поисковые работы, теоретические исследования, которые в настоящее время практического значения могут и не иметь, как раз то, чем не занимаются отраслевые НИИ.

Но мы выполняем много и хозяйственных работ по заказам промышленных предприятий, транспорта, энергетике и т.д. Многие из наших клиентов больше всего ценят именно то, что, давая практические рекомендации и разработки, которые можно внедрять в производство сейчас, мы всегда стараемся взглянуть немного вперед. Прогнозируем, что направление данной проблемы в будущем, обобщаем перспективу того или иного вопроса.

Холодильные работы мы проводим на средства заказчика, которые расходуют на основании заявок лабораторий. Например, нам удалось получить заказ ГДР и изготовить для его выполнения уникальное лабораторное оборудование, которому может позавидовать любая НИИ.

— Это есть одна проблема, связанная не только с НИИ, а с вузами в стране. Проблема негнущихся учебных программ в вузах. Академик Целиков считает, что программа не соответствует тому, что требуется от выпускника. Хотелось бы отметить, что это предложение кажется заслуживающим внимания: с одной стороны, молодой специалист раньше включается в научную работу, с другой — студент оказывается не так перегружен за счет «нагрузки» на все время учебы. Но, к сожалению, тут есть существенное «но». Вовне развитие науки и техники увеличивает объем черновой работы, которую приходится выполнять. Успех «переварить» будущий молодой специалист, дающий работу. Там, где работы нет, там, где предметы, мы вынуждены будем расширять круги, вводить новые предметы.

— Эта проблема действительно не так проста. Я полностью согласен с Целиковым, что в среднюю школу нужно передать химию, начальный курс высшей математики, «интервальный язык». Каким образом можно это сделать? В первые курсы мы вынуждены растягивать и

оттягивать на более поздний период изучение некоторых дисциплин только потому, что студенты не получили достаточных знаний по математике и химии.

С иностранным языком в вузах дело тоже плохо. То, что мы называем его изучением, — чистейшая профанация. Два часа в неделю в течение двух лет — это час потерянного времени. Больше для студентов, а для преподавателей, а забот студентов, администрации требуют огромных.

— Что вы предлагаете?

— Иностранный язык нужно учить в школе с начальных классов. А чтобы заинтересовать студентов в продолжении изучения, вести по нему госэкзамены. Как и где его учить — их дело.

И бы исключил из учебного расписания вузов занятия по физкультуре. Это тоже бесполезное дело. Ну как это можно между двумя лекциями по математике, физике, химии, а также физкультуры или проводить ее после занятий? Об этом го помалы ни математике, ни физкультуре.

— Вы против спорта?

— Нет, я за спорт. Сам всегда занимался им и даже являлся президентом Всесоюзной федерации автоспорта. Я считаю, что только сочетание систематического труда с спортом может молодежи развиваться гармонично. Но физкультура в том виде, как она ведется в наших вузах, пользы не приносит, хотя время отнимает. Мне кажется, что мы часто забываем об обычных стереотипах. Так всегда было: зачем менять? А условия изменились. У нас достаточно спортзалов, стадионов, чтобы студент мог с пользой потренироваться в том виде, который ему нужен и нравиться. Спорт — это активное занятие, которое ему больше подходит. Спорт — это активный отдых. Вот и отнеси его нужно ко времени отдыха, а не занятию.

Низкий уровень черчения считается основным студентской дисциплиной. Времени на вычерчивание всяких схем, машин, узлов уходит много. А зачем? Ведь если — научат будущего инженера читать чертеж — можно достать и другими средствами за более короткое время.

— А освоенный в учебном расписании срок обучения в институте?

— Нет. Сокращает срок обучения не надо. Есть дисциплины, для понимания и усвоения которых необходимо длительно работать. Просто растягиваем курс на несколько семестров, чтобы постепенно студенты понаели весь материал. А на эти дисциплины основываются следующие курсы. Так что если чисто психологический или педагогический барьер.

К тому же научно-технический прогресс идет не просто новую информацию, а целые новые отрасли знания. Раньше у нас была очень важная для автодорожников дисциплина «Болтушка деревянных мостов». В России и теперь 80 процентов мостов деревянные. Но ведь сейчас не за нами будущее. Дисциплины «железа», зато математика — 200 часов. У нас же не было. Моё поколение ничего не знало об электронной технике, ЭВМ. Теперь без этих знаний нет инженера. Математика же — основа всего.

— Не ведь в школе программа и там переиспользуются и т.д.?

— Мне кажется, что нужно правильно организовать сам учебный процесс, и тогда за то же самое время можно будет изучать больше. Теперь в институте студенты считают не на лабораторных занятиях — на учебных машинах. Лекции сопровождаются кинофильмами. Слуховое восприятие предмета дополняется зрительным. Думаю, ввести видеомагнитофон, чтобы бы в учебных демонстрациях фильмы, отснятые вчера, сегодня, в лабораториях, на заводах. НИИ, то есть тот материал был самым свежим и убедительным.

— Я думаю, что школа еще не исчерпала всех своих ресурсов. В этот год в приемные назначены баллы вложен русский язык, и грамотность поступающих заметно выросла. Ведь почти всего шесть месяцев до поступления в институте студенты изучают русский язык и изучают предмет, который считали необязательным.

Стоило привратить средний балл аттестата зрелости к институтскому среднему баллу оценки успеваемости в школе. Тогда бы зрелые еще. Нужно научить молодых людей учиться. Потому что всякая работа в вузу проходит по тем же верстовым столбам: школа — вуз — аспирантура — институт. И если аспирантура не успевает правильно учиться.

ключению. Всякую сложную работу можно расчлнить на составляющие. По первой части аспирант может закончить кандидатскую диссертацию и, получив ученую степень, вести дальнейшее исследование самостоятельно. Бывает, что при защите кандидатской диссертации соискателю сразу присваивается звание доктора наук. Настолько бывает высоко качество и значимость выполненной работы.

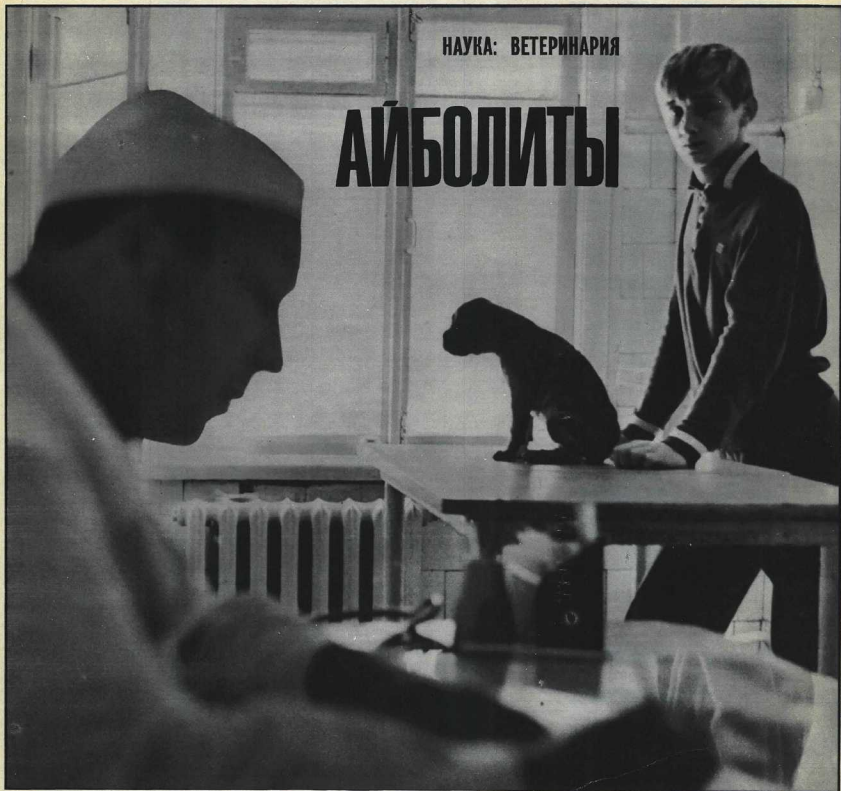
— В этой связи, Леонид Леонидович, не могли бы вы рассказать о подготовке научных кадров в других странах? Сколько лет там занимаются аспиранты?

— На это трудно ответить, потому что не сравним уровень научных работ, за которые у нас и за рубежом присуждают звание кандидата и доктора. В Италии, например, звание доктора получает каждый окончивший университет. Вудучи в Соединенных Штатах Америки, я убежден, что работы на соискание звания магистра — научное задание, соответствующее нашему кандидатскому — по своему уровню ниже наших кандидатских диссертаций. В ФРГ даже докторские удостоивают наших кандидатов.

У нас же каждую кандидатскую диссертацию контролирует Всесоюзная аттестационная комиссия, а докторские она утверждает. ВАК же аванс от ученых советов институты, где происходит защита диссертаций. В свое время

НАУКА: ВЕТЕРИНАРИЯ

АЙБОЛИТЫ

СКАЖИТЕ «А-А»...

С директором Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии, доктором ветеринарных наук, академиком ВАСКНИЛ Яковом Романовичем КОВАЛЕНКО беседует специальный корреспондент «Смена» Анатолий БАРАНОВ

Фото Владимира ВЛАДИМИРОВА

Когда-то это был далекий пригород, а теперь Москва уже вплотную подступила и Кузьминкам. Только тишина здесь, как прежде, настоящая: на заучках и залахах. Да лес, соседявший от снега, завороченной тишиной, пробивает острыми вершинами елей низкое небо.

Пятнистый бронзовый кот, зеленый от ярости и белый от инея, застыл у входа в одну из институтских лабораторий.

Мы стоим рядом с ним, и Яков Романович рассказывает об истории создания института.

— Летом 1894 года в Кузьминках, на даче у

своей сестры, отдыхал Владимир Ильич Ленин. Не просто отдыхал, работал над книгой «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов!». Насегда запомнил Ильич эти величественные места, олицетворяющие собой понятие «русская природа». И когда в начале 1918 года создавался Институт экспериментальной ветеринарии, Владимир Ильич предложил разместить его в Кузьминках, а бывшего имения князя Голицына. Постановлением Совнаркома, которое подписал Ленин, имене «со всеми строениями и инвентарем» передавалось институту, ему же выделялись деньги в сумме 10 341 250 рублей 30 копеек на «перестройство и приспособление».

Шел первый год революции, правительство молодой Советской республики делало все возможное, чтобы поднять экономику страны, помочь многочисленным крестьянским хозяйствам.

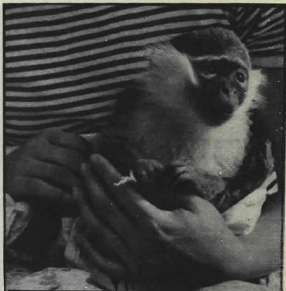
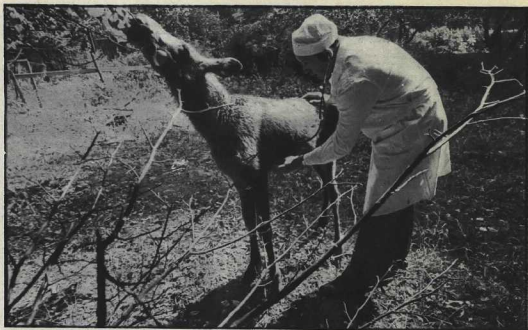
Эпидемии сапа, чумы и других инфекционных болезней уносили ежегодно десятки тысяч голов скота. За время первой мировой войны количество подобных эпидемий выросло в пять раз. Распространение инфекционных заболеваний рождало и без того обнищавших крестьян, усугубляло экономический кризис. Вот почему сразу после революции правительство приняло ряд важных декретов, направленных на организацию борьбы с инфекционными болезнями. Одним из декретов и был создан наш Институт экспериментальной ветеринарии, в котором стали работать лучшие ученые того времени — А. Н. Баз, К. И. Скрябин, М. Ф. Иванов, С. Н. Вышеслеский и другие. За успехи в развитии ветеринарной науки институт награжден орденом Ленина.

— Яков Романович, простите, но мне не раз приходилось слышать о ветеринарии несколько пренебрежительные высказывания. Вот и сегодня один из моих знакомых заявил, что не верю в ваш институт, удивленно покачал плечами: «Разве это наука?». Понимаю, что подобные мнения исходят от людей малоосведомленных в этой отрасли знаний. Но необходимо признать, что таких немало. Поэтому, пожалуй, расскажем о ветеринарии как о науке.

— Знаете, а ваш приятель прав. Да, да, не удивляйтесь. Ветеринария — это не наука. Ветеринария — это целая система наук, изучающая болезни животных, методы их предупреждения и лечения, вопросы повышения продуктивности скота и меры защиты людей от заболеваний, свойственных и людям и животным.

СВЕДЕНИЯ О ПАЦИЕНТЕ. КРЕПЯЩИЕ КРЫЛЬЯ.

СОСТРАДАНИЕ. КТО НЕ ЦЕНИТ ЗАБОТУ?

Ветеринария, как система наук, объединяет анатомию, физиологию, гистологию, микробиологию, паразитологию, вирусологию, частную патологию, клиническую диагностику, терапию внутренних болезней, фармакологию, токсикологию, хирургию, акушерство, зоогигиену, эпизоотологию, ветеринарно-санитарную экспертизу, судебную ветеринарию... Надеюсь, достаточной

— Вполне. Но ведь много из того, что вы перечислили, изучают и медики и биологи.

— Правильно. Ветеринария тесно взаимодействует с медициной, биологией и другими естественными науками. Как часть естествознания, наша наука использует также методы и положения физики и химии. Техника вооружает наших ученых и врачей современной аппаратурой, способствует углублению научных исследований, помогает совершенствовать методы распознавания болезней. Успехи естественных наук помогают ветеринарии, и в то же время сама она, являющаяся сравнительно молодой, должна способствовать разрешению теоретических проблем общего естествознания в широком смысле этого слова.

— И медики и ветеринары — врачи. Наверное, объединяет их не только это слово. Что же еще общего в их работе?

— И те и другие врачуют. У нас общего гораздо больше, чем различий. У нас общего в том: медики лечат людей, мы — животных.

— Но...

— Я понимаю, вы хотите сравнить меня на путь сравнений. Мне бы не хотелось этого делать. Проводить какие-то параллели, делать сравнения в пользу какой-то из наук — дело и опасное и неблагодарное. И у медиков и у ветеринаров своих проблем предостаточно.

— Вы упоминали о болезнях, общих для животных и человека. Что это за болезни?

— Их не так уж мало: сибирская язва, бруцеллез, туберкулез, лихорадка, инфекционные заболевания...

— И способы лечения те же?

— В принципе да. И лекарства иногда те же. В последние годы в животноводстве и птицеводстве стали широко применяться антибиотики.

Для предупреждения и лечения заболеваний животных ветеринары применяли те же препараты, что и медики. А препараты эти дороги! В лаборатории антибиотиков нашего института под руководством профессора Артама Христофорова Саргисова был разработан метод получения двух новых биомиметических препаратов — бизантина и биовета. Новые антибиотики позволили нашим хозяйствам сэкономить не менее 10 миллионов рублей в год.

— Я знаю, что в вашем институте есть самая удивительная и, наверное, самая страшная коллекция — коллекция бактерий. Расскажите о ней.

— У нас собраны вирусы многих опасных болезней. С некоторыми из них сегодняшние ветеринарные врачи в своей практике уже не встречаются. Но это не просто коллекция, а наш рабочий материал. Изучая изменчивость структуры патогенных организмов, мы научились получать полезные штаммы микробов. И опасные вирусы превращаются в свою противоположность, становятся полезными. Но не думайте, что это так просто. Найти новый препарат или вакцину — все равно, что для астронома открыть еще одну звезду.

— Я читал как-то, что еще в третьем тысячелетии до нашей эры в Египте существовала своеобразная вуза — «дом жизни», где наряду с другими науками изучалась ветеринария. Уже тогда египтяне достигли больших успехов в лечении животных и даже «издавали» специальные лечебники.

— Душако, история ветеринарии началась в тот момент, когда человек приручил первых животных и стал ухаживать за ними. Не будем говорить об изменениях, которые произошли за многие тысячелетия, они очевидны и для тех, кто знаком с ветеринарией лишь понаслышке. Возьмите последние пять-шесть лет. В эти годы начали возникать промышленные животноводческие комплексы. Если раньше в колхозе было, к примеру, сто свиней, то теперь уже есть фабрика мяса, где их содержится одновременно до ста тысяч. И ветеринарным врачам нужно по-новому организовать свою работу, искать новые методы профилактики и лечения животных. Проблема эта очень серьезная. Сегодняшнему ветеринарному врачу, впрочем, как и обычному, надо постоянно совершенствоваться, учиться, чтобы не отстать от все возрастающих требований времени.

— Сколько вузов в стране готовят ветеринарных врачей?

— В СССР существует 39 ветеринарных институтов и факультетов. Сам я закончил Московский зооветеринарный институт.

— Почему вы выбрали эту профессию?

— Вы, наверное, не представляете, чем была для крестьянства в те давние времена лошадь! А я навсегда запомнил тот день, когда пала от какой-то болезни наша единственная лошадка. Все жители маленькой белорусской деревушки сошлись к нашей хате, стояли тихие, как на похоронах, и только мама моя рыдала в голос, как плачут по самым близким. Может быть, еще тогда, в детстве, я и решил стать ветеринаром.

— Вы любите животных?

— Любю к животным — моя профессия. Без этого чувства вряд ли ветеринарный врач может стать хорошим специалистом.

— В одной из лабораторий вашего института я видел маленькую итруску — сказочного Айлболита. По сути дела, этот доктор — ваш коллега...

— Сколько раз я читал svoje вичуе эту сказку Корнея Чуковского и однажды с удивлением для себя открыл, что «Айлболит» вовсе не сказка, а своеобразная поэма о ветеринарном враче. И, к сожалению, до сих пор лучшее произведение о нашей профессии, по крайней мере из тех, что я читал. А в истории ветеринарии, наверное, не меньше драматических событий, чем в истории медицины. Сколько ветеринарных врачей по первому зову являлись к очагам эпидемий и, спасая животных, а следовательно и окружающих их людей, погибали сами! И гибель их не была бессмысленной. Она давала новые данные для нашей науки. И сейчас наши врачи, подобно сказочному Айлболиту, всегда приходят на помощь, если даже очень далеко, предположим, в той же Африке, испытывают опасные эпидемии.

Растущие международные связи требуют от нас изучения и этических болезней, распространенных на других континентах. А это значит, возникает еще один отрасль ветеринарии — ветеринарная география. Пожалуйста, пригласуйте и ее к тому перечню наук, из коих и состоит моя ветеринария, наука, которую я люблю так же, как физику, физику, химию — химию, а вы, наверное, свою журналистику.

НЕЗДОРОВИТСЯ.

ВНЕШНЯЯ

ЖИЗНЬ

«Если бы я знала...»

Есть в Винницкой области поселок Песчанка. Великие хатки. Сады. И сколько видят глыба — ботва на плантациях сахарной свеклы. Или по-местному — бурка. Кто полон буркаки, знает, что такое труд. Зарастет поле быстро, не пройдет и недели, как ляжет перед глазами бескрайний ковер. В зимнюю край долухов отведут тебе плосу, и никто не обернется помочь. Нет, на Украине у нас люди добрые, но, войдя попроси твою руку и вылез в поле, расчистишь на себя.

Юля родилась в 1947 году. Кто помнит Украину, разрушенную войной, знает, что такое напористый штырь проел на отпущенной зарплату, и когда старшие уже помогали, а Юле не нужно было идти в поле полоть буряки, ее послали в Я. И прежде всего отцы. Он раньше всех встал и поспе все прихватил с работы. Долго терт рука, измазанные солдырь, а уложки детей, еще долго «порався» по хозяйству. Поэтому слова отца, посылającego на работу, — закон. Даже для самой младшей, самой любимой.

Остальное время — школа. Драться с мальчишками. Сохранялись следы детства, как в восьмом классе, когда подруги уже невестились, Юля еще дралась. И много бегала.

- А чего ты бегала?
- Та сама не знаю. Послыла меня.
- Так, может, ты в соревнованиях участвовала, в школе или в районе?
- Нет.
- И где не тренировалась?
- Нет.
- А что поминешь еще?
- Ничего.
- Как ничего, как-то семь лет прошло!
- Если бы я знала, что так будет, то записывала...

«Под бережком, под бережком...»

Отплыли на выпускном вечере в школе. Родители, как положено, собрали в дорогу. Отпусти Юля привесные подарки в Киевском эстрадно-цирково-улице, ждет свою участь. И вместе с ней ждут 379 претендентов на шесть вакантных мест. Не приняты. Расстроены и вернулись домой. Булем благодарным комиссия, не признала она та-

лант Юли, сохранила ее для нас в другом качестве.

Гварьер болельцы, всегда аплодирующий на первом ряду, утешал и дал направление на курсы медсестер («Училась я хорошо, вспомнила свои выкройки в школе и решила: дальше так нельзя. И зурбила вязкую бурку»).
— В Виннице она впервые увидела байдарку. Рядом жила тренер по баскетболу Виктор Шербаков. Как-то рассмотрела вренскую дичину («Я была толстая, мамкин заручи — это вам не сборщи!»), он спросил: «Юлька, а ты не хочешь научиться гребле?» — «Как это не хочу?»

На водном стадионе тренер Любовь Гуря послала в байдарку, и хрупкая лодочка закачалась под ней, ношла вылез бортами. Ей — грести! Она битиса. «А вдруг опрокину?» О том, что плавать не умеет, сказать не побоялась. Последла немного, пережилла страх и потихоньку притронулась веслом к воде. Случилось это 5 сентября 1967 году.

На следующий день Юля, обрадованная, прибежала на пристань, а тренер уехала. На том все и кончилось. А позже, увидев плавать соревнующихся в народной гребле, Юля не усомнилась ни на секунду и записалась первой. Народная гребля для новичков — это лодка-равнолыжка, каккими замочены берега возле водных станций. Села в нее Юля и потребла, шастая от одного берега к другому («Люди прямо, а все в разных стороны, поотраваляла я весла и добралась предпоследней»).

Надо же, предпоследняя, а примечательнее Анатолий Михайлович Иванов. «Хочешь грести серьезно?» «Хочу».

И Юля Юля бежит на руку, и снова тренер уезжает. На прощание он бросил ребятам из своей группы: «К моему приезду вы ее обкатайте». Ну зачем она им? Погребла немного раз два и поровилла: чего это нам, первоардникам, балбастозит возить? Юля — человек гордый, направились не стала. По-прежнему на стадионе никто не знал, что гонимую, поучающую в ахулающую лодку, плавать не умеет. О возможных последствиях Юля не думала. Правля, наезде отря бегала в «двигательный», стыдился себя, осматривала самым доступным способом — по-обочка. На шестой раз пришла в девять утра, вынесла байдарку, оглудилась: никто не видел, и потребла вверх по реке...

— Грести normalerweise и все под бережком, под бережком...

— Что так?

— А вдруг вылезла, кто спастись будет? И нагребла в тот день 20 километров.

— Одна? 20 километров?

— Та одна ж. Газоламп! Хорошо, встретила рыбаков, они накормили. — Тут голос Юли срывается, инстинкт затуманит совсем. — И что-то у меня появилось. И любовь. И желание. И так захотелось научиться...

Она устало гребла домой, и земляные лезги ни осторожно касались ее плеч. Голова, счастливая, со сбившимся в кровь ладонями, гордая тем, что проплыла и не перевернулась. Навстречу ей длетел миллионский катер, и над черочным Бутом, над закатами, разлившимися по воде, порхали разные сады, звучно усиленные мегафоном. Было шесть вечера, искали ее давно. Долго ругались. Захотелись, забыли, что никто не знает о ее неузнании плавать, она бормотала: «Дядечки, та чего ж вы болелись, я ж под бережком, под бережком...»

«Девчата, ждите меня...»

Откавал двадцать вост, назавтра вылезла на тренировку. И тут же вывернула. Ухватилась за гладкое днище. Вытащилась, а позже уже ничего не было.

Юля гребла ежедневно, и в каждом разом ей становилось легче. Прошла сентябрь, октябрь. Вернулась тренер, и она спешит поздравить свое умение. Но вскоре вылез снег, и лодки замесили в аэлигг. Со всеми вместе она встала на лыжи. И дожились немцами, моталась по бесконечной лыжне, торчала зиму и скучала по веслам. Как только начал таять снег и лед двинулся вниз по реке, первой села в лодку.

В мае Юля едет в Киев на контрольные соревнования общества. Привыкшая и послушанию, ян в чем не колебалась. Нужно грести? Пожалуйста! Так относилась она к своему зрелению на большой днепровской воде.

Гребцы — добрые знакомые носеле зены-равнолыжники бросались друг к другу. А Юля все наоборот. Крутит она голову в разные стороны, а подруги тянут ее за рукава: видишь, выехала — это Эва Авербух, чемпионка СССР среди молодежи, а та — мастер спорта. Курьяк Юля уязвительно осматрела Еву, еще незнакому Катю Курьяк.

Сказал вам, все такие злорозные!
— Да и ты же такая.

Этот очерк был отправлен редакции «Смелый» в набор, когда пришло сообщение о трагической гибели чемпионки XX Олимпийских игр Юлии Рязанской.

На моем столе лежит открытка от Юли. Разложены фотокарточки Юли. Голос на магнитофонной пленке Юли. Все осталось, а ее нет.

Я читаю написанное ранее и ничего не могу исправить. Ничего!

И пусть в моей и вашей памяти она останется такой, какой была...

Автор

— Да нет, подошла немного. Я сразу серьезно влезла за тренировку.

— А что тебе толкало?

— Не знала. В голосе Юли возмущенное утверждение.

— Что? Стало лучше? Тренироваться? Научиться грести?

— Тренироваться! Больше я ни о чем не думала.

Вырванная в труд, Юля хотела работать. Что это: привычное состояние или подозрительное стремление жить через труд? («Это не мое приключение. Как в семье, так и у меня»).

В тот день в обществе «Динамо» отбирали команду на Кубок Большого Днепра. Как говорили позже, ее стартер Юля вышла последней. «Ну конечно, утравляла злорозные. Даже в спорте такой термин. Убоить хочется все прекратить, бросить бегать или спизнить теги, но нет, как трюшечки обогнала». — «Ну конечно, утравляла злорозные. Даже в спорте такой термин. Убоить хочется все прекратить, бросить бегать или спизнить теги, но нет, как трюшечки обогнала».

«Прихожу на финиш и смотрю, а мои чемпионки, все мои мастера спорта далеко-далеко. И в эти дни слышала голос Юли пригласить ни с чем не сравнимую украинскую медоточность. Могу так сказать на Украине: «Уж вы меня увидите, что я вас трюшечки обогнала».

«Шуму было! Откуда? Кто такая?»

Вокруг ахали, только умные, всеобщие тренеры не стали быт, бежали по бокам и не разглядели Юли как первую победительницу торить еще раз. О, эти недолговечные приклады, эти бесконечные стартеры! Как дрожат от них молодцы! Как злит они ветераны! «А, чего раэ? Ну что ж, и победителю, Пешла н... перенеруваля. Подхватывала студеная вода и Юлю и байдарку, уселась молодой долгой, кинула ложечку на мои первые победы».

«Холодно! Замерзла, как кувшин! Переоделась. И снова на старт! Прихожу по следам ей».

Мудрые тренеры! Они словно в воду глядели. И хотя старый Днепр обмывал их, нарочно замучил стание воды, все-таки они вытаскили на поверхность звонкую фразу: «Винницкая идет нестабильно. И отчислили».

Сидит Юля на бережочке, слушает объяснения информатора и замечает: Махней, Авербух, Кавецкая. И себя же поддувает: «Гоняйтесь, гоняйтесь, девчата, ждите меня».

Так и вернулась Юля домой. Она приехала на стадион, ждала, ждала, ждала...

Пролог

I

Красный газок над дверью мигнул и погас. Ли поднулся кресло к пульта и включил мифрофон внешней связи.

— Младший блок-инспектор Ли Джексон к смене тов.

На светящихся экранах над пультом появились расплывающиеся земные полосы. Ли подкрутил рычаг настройки. Полосы исчезли, и четкий металлический тон прозвучал:

Блок номер триста командует. Двадцать часов ночь-ночь минут по меридиональному времени. Восемьсот шестьдесят кавалов под контролем блока.

Ли, довольный, откинулся в кресло. Вот и начался его первое самостоятельное дежурство. В специальном отделе Системы с новичками долго не церемонятся. Краткий курс теории механического контроля сив, два сеанса гипнодеки, отведенных на заучивание Библии Святого Человека или Всеобщего Каталога снов и час практической демонстрации аппаратуры. Только вчера старший инспектор Вигль показал ему весь подконтрольный им механизм аппаратуры, а уже сегодня Ли сам сидит перед пультом. Конечно, обязанности блок-инспектора не так уж сложны: просматривая сив, отобранные автоконтролем как отбракованные из каталогических нора, и сообщая о них по начисланию. А уж кто прав и кто виноват, без него разберутся.

За спиной Ли почти бесшумно открывалась дверь.

— Приветнаешь, сынок? — спросил вопедный Вигль.

Он был высок, грузен и малоподвижен, как брошенный спорт тяжеловес. Ему было явно жарко в его черном инспекторском худи.

— Я посижу у тебя немного, ладно? — привалил он.

Ли согласно кивнул. Ему нравился Вигль, его оборотливый ухват и Каталог. Выходи кто-нибудь в обращении. Вот и сейчас Вигль добродушно пожаловался:

— И чего это людям не хватает? Пожилишь спать — заглянул в Каталог. Выбери что-нибудь по вкусу и спи на здоровье. Хочешь на классике что-нибудь про абортников или про гангстеров, хочешь про супермена или про наших парней с Пролятого Шара — пожалуйста! Хочешь стриптиз какой-нибудь или спортивную драку

Какой дурак будет писать об этом в учебниках? У нас не любят подробностей о прошлом. Ты что же думаешь, Система Всеобщего Контроля существовала всегда?

Ли так не думал. Его вообще не волновал этот вопрос. Он вырос в обывковой семье, учился в обывковой школе, по обывковым учебникам и обывковым программам. Мир удачно отстоял от так называемого «Свободного Содружества только потому, что власть вовремя явила в свои руки Система Всеобщего Контроля, созданная мультимедиаидерами. Учебники казались эти слова, не раскрывая их смысла и скупо говоря о том, что разрозненным силам «свободного мира» удалось объединиться лишь тогда, когда его влияние, к сожалению, уже было затронуто людьми на всех континентах. С тех пор, как утвердили и педагогические компьютеры, замечание преподавателей в начальных и средних школах, начался период счастья и благоденствия народа, основанный на электронной работе его мышления и поведения. Ли даже не подозревал, что сам является винтиком этой машины, и често считал, что сомниферы столь же необходимы человеку, как телеинформация и видеоизлучение, и видел автоматизированный гипнопарадка с утра и радости синтетической кухни. Сомневаться в полезности сомниферов казалось столь же бессмысленным, как и не признавать, скажем, радио искусственного климата.

— Все это так, сынок, — устало заметил Вигль, — верно, но не полно. Нам с тобой о сомниферах положено знать больше. — Он крахот полев в задний зеркал броек и витачил заезженную синию книжку в черном пластмассовом переплете. — Посмотри на букаву «с» — сомниферы.

Ли заглянул на обложку. Выцветшее золото букв сообщало: «Инструкция для старшего персонала блока СВК». И чуть ниже, помельче: «Сокращенные материалы».

— «СОМНИФЕР», — прочел Ли, — прибор-транслятор снов. На входы прибора поступает программа, откорректированная по Всеобщему Каталогу снов. Сомнифер дает направленное излучение, действующее на мозг головного мозга. Рассчитан на непрерывное восьмичасовое действие. Изобретен в конце прошлого века Джекано Секи, впоследствии одним из основателей и директоров фирмы «Славик» в Закае. В политической борьбе централизации стала программным лозунгом победителей и находившейся ныне у власти партии. Фирма Секи во времена ее типовой централизации перешла в собственность государства, превращаясь в один из важнейших рычагов Системы Всеобщего Контроля. На территориях так называемой «Свободной интеграции» запрещена.»

— Раньше сив билаву? — сказал Вигль поучающе, — можно и по каталогу заказать, а потом повернуть по-своему. Скажем, президентские выборы. Порядки! А они заказку выборы какой-нибудь «свободолюба». Были и такие в нашей истории...

Вигль не кончил. Осетился экран внешней связи, и молодой женский голос прозвучал:

— Шеф вызывает старшего блок-инспектора Вигль.

Вигль слушает.

ванность шеф. Доктор Стоун? Ли никогда не слышал этой фамилии.

2

Неоновая девушка над входом в бар, периодически загораясь, сбрасывала с себя остатки одежды. Огненные брызги вспыхивали на черном стекле и фоберивором обильнее на терчатой от аном асфальта. Ли долго пытался понять этот оптический фокус, но, так и не разгадав его, подошел к двери и заглянул в ее большое, чистое и прозрачное, как воздух, стекло. Ему очень хотелось войти в зал, привыкший к тому пустому столу около страды, который он замечает, стоя у двери. Но он боялся. То был шикарный фешенебельный для него ресторан: сюда приходили вертучившиеся из рейса космонавты, пианист с рудинков Второй Планеты, суровые отшельники с луны. Он был не похож на нестрые и крикливые бабаны Центра и на дешёвые забегаловки окрестки Металлополиса.

Что задумались? Входите. — Чья-то рука легла ему на плечо.

Ли обернулся: на него взглядом смотрел высокий рыжеволосый мужчина в черном селеновом пальто. Он обрадовался усмехнулся и подтолкнул Ли к двери:

— Пошли.

— Меня не пустят, наверное, — неуверенно протворил Ли.

Вместо ответа незнакомец взял его под руку и открыл дверь. Эскалаторная пластинковая дорожка подвела их к залу.

Хотите получить свои севм фотос под килем? — вежливо спросил незнакомец.

— Семь фотос? — не понял Ли.

— Это же название ресторана. Разве не слышали? Старое название моржкам, отравившимся в наказание. Семь фотос под килем — достаточно, чтобы не сесть на мель.

Незнакомец молча провел Ли во залу как раз к тому столу, возле перламутровой раковины страды, который Ли увидел сквозь дверное стекло. Незнакомцу откуда возникший метр-отель услужливо подвинул стулья.

— Мне, как всегда, «Гли», — сказал незнакомец. — А молодому человеку — «Симфунтал». Он у нас впервые. Контейль специально для кошел, которые хотят вкусить радостей жизни.

Ли не ответил. Радости жизни, о которых иррически намекал его спутник, уже начинались. С музыки, неизвестно откуда звучащей и наполнявшей все его существо. С миганиями мерцающих огней в воздухе, то вспыхивающих, то погаскающих, то внезапно сменяющих цвет пришедшего с пустой страды. Звук томили, будили, являл, спрашивали о чем-то волнующем и сладостно непонятном.

— Ты чего-нибудь чувствуешь? — спросил незнакомец. — Радость, да?

— Откуда вы знаете? — спросил Ли.

— Нетрудно догадаться: в этом кабаке хорошая гипноуставка.

— Обидно. — Ли смущенно посмотрел на своего визави. — Не люблю, когда мне называют чужую волю.

— И тоже не люблю. Увы... Но не принимайте все это так близко к сердцу: таких «малыч-

шек», которые здесь «влипают» и, главное, стремятся к этому, в одном только нашем городе около миллиона. А сколько их в стране, составляющая страны? — Ли задумался.

— Что вы подразумеваете? Я вас не понимаю, — спросил Ли.

— Неужели? — засмеялся незнакомец и нарочито густаво провел пальчиком каждому подопытному строку: «Утолько наслаждения слыше великих мер... вам, как провидение, дарит сомнифер? Это оплаченный государством рифмам, по-моему, очень точно сформулирован отпущенные нам радости жизни».

для полнорочи крови — тоже не возражает. Хочешь музыки — только выбери: в Каталоге снов все джаксы с сотворения мира подобраны. Набери индекс на сомнифере и смотри до утра. Так нет — ни обязательно запретное пойд!

— А скажите, сэр, — в наступившей тишине вопрос Ли прозвучал неожиданно громко, — как появились эти сомниферы? Откуда? Нам в школе о них не говорили.

— В школе, — усмехнулся полторд Вигль, —

На экран появились огромное, слугуловое лицо шефа.

— Как с двадцать третьим, Вигль?

— По-прежнему, шеф. Опять не включил сомнифер. Выбери три сивм контролируемых сив. Картины детства... старая женщина... ребяташки в винном саду. Каким будит привакает?

— Включите в список. Как его?

— Почти Стоун, сэр.

— Выдите ко мне.

Экран погас. Ли остался один. Честно говоря, он так и не понял, о чем шел разговор, видимо, очень важный, если проявляет свою заинтересо-

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Ли все еще не понимал: при чем здесь сомниферы? Неужели этот чужак ставит их рядом со здешней популяцией?

— Чему вы улыбаетесь? — спросил незнакомец.

— Простите, сэр, — начал было Ли, но тот перебил его:

— Хотите меня док. Так меня все называют.

— Хорошо, док, — согласился Ли. — И только хотел сказать, что сомниферы и гипноустаночки — совершенно разные вещи.

— Технически, — улыбнулся док.

— Не только технически, — с горячностью

возразил Ли. — Гипноустаночки одурачивают людей, а сомниферы действительно украшают жизнь, делают ее более интересной.

— Милый мальчик, — грустно сказала незнакомец, — вы неправы, но это от молодости. Если жизнь недостаточно хороша, то зачем же улучшать ее только во сне?

Ли подумал немного и не согласился.

— Это же развлечение, как и телекс! — воскликнул он.

— Телекс можно выключить, а сомнифер — нет! Вот и смотри до утра навязанный тебе сон. Или чужую волю — ваше выражение, юноша.

Ли задумался в поисках возражения.

— В конце концов я сам могу придумать сон.

— И станете сонником.

— Да нет же! — Голос Ли даже зазвенел от обиды. — Кто-то, а я-то знаю! Сонники смотрят запрещенные сны.

— А какие сны запрещены? — лукаво спросил док.

— Каталог разрешает президентские выборы, а они заывают выборы какого-нибудь «свободолыба». — робко повторил Ли слова Выга. Док засмеялся.

— Какого именно? — спросил он.

— Их много было, — неуверенно сказал Ли.

— А все-таки?

— Нас не учили...

— Не знаешь, — сказал док. — И никто из нас не знает — не учили. А кто знает, молчит. Странное у нас время. Вечером гипномузыка, ночью гипноос. Сомниферы, мой мальчик, — это фон трагедии народа, ее социальный пейзаж. Расскажите о сомниферах жителю другой планеты, и ему сразу станет ясно, в условиях какого общественного строя все это происходит и до какой духовной нищеты дошел этот строй. А по

дышать воздухом прилетов в отлета, встреч и проводов, зыбкости своего земного, где за непрочным барьером верона — огромный мир, не подходящий ни на что бытовое и правдоподобное. Я ни принадлежал к романтикам космополитов. У меня было два дела: купить газету, перебросившись парой слова с премьера киносекретер. Катя, всякая натуральная блондинка, с синими глазами и малиновой челкой, которую отравляется на свидание с товарищамки. К первому делу я приступил с удовольствием. — Бардакестай, девушка, — сказала я вежливо.

— Доброе утро, — зауважено улыбнулась она. Но я уже знал, что зауважено сейчас не значит.

Я хотел бы купить «Новости» за семидесять центов по названию, но у меня не было денег. Девушка удивилась. Я не оступился, если угодно определение: испугалась, даже вдрогнула. Да и в самом деле, это же не вдрогнула, если подумать, ах, и спешит выдать газету за полтора прошлый месяц. Однако жутко и затвердевшая не помешала моей прелестной собеседнице использовать еще одну улыбку из своего арсенала:

— За это число газеты давно проданы. Может быть, тут она оказалась неосторожна, — и подхватила бы вам место, где вы найдете ее? —

— Подкажите, прошу вас. — Я вложил в просьбу все очарование, на которое был способен. — Так же Чабби Лайк, — сказала я.

— Меня зовут Линнет, — сказала она. — И уже почти месяц живу вас.

— Дорога в Город трудна и небезопасна, — туманно пояснил я причину своего небольшого опоздания.

Однако причина была не в этом: на реализацию моей легенды потребовалось чуть больше времени, чем мы предполагали. Шител СВК на туше возмущался искать пропавший журнал, из которого потерян крупнение пилот Чабби Лайк. То есть я. А искали они его постыдно долго. Вот почему Линнет пришлось покаяться.

— Вы прощай, оно каково! —

— Пока еще нет.

— Блес Тейлор.

О Тейлоре я знал. Он возглавлял в Системе подразделение и был индикатором, и мог бы столкнуться сегодня с его экипажем, но с ним ничего.

— Что ему надо здесь?

— Понятия не имею. Говорят, он с причудами.

И об этом мне говорили в Центре: самолёты, полдорителен, умеет, предпринимает неожиданные инспекционные проверки, склонен к перепевкам и опереточной таинственности. Знает, где встретит женщину, не удостоится. А может, улетает? Ну зачем ему обновленный пилот? Со мной у лужа летели, наверно, шишки и пошлое...

— Что же, черт с ним. — Не намерен был раздувать пока еще не существующую опасность. Лучше подумаем, как будем жить дальше.

Линнет улыбнулась. Когда она улыбалась, на щеках появлялись две ямочки — ну, совсем девочка-школьница.

— Я вас наяду.

— Явас?

— Вы ее знаете: бар «Семь футов под килем». Спросите Фитона, он скажет, что у Линнет не оказалось газеты за семидесять.

— Кстати, почему мы привалялись именно к этому челу?

— Из-за этой деп. шеф СВК произнес историческую речь: надо быть полдорителен и остроумным, ибо враги существуют везде.

— Дельные авиационные, особенно для нас. Где они конвоируются?

— В Милтон-отеле, конечно. Там есть наши люди.

Противещия, я геторолливо дошел до дверей тачки, бросил монетку в щель турникета, поподил в комнату и оказался в душной комнате мента, даже не посмотрел, кто их и меня вая. Канал, в сущности, разнвица: это шестерка, фокка, перелеточное уме, дилитут в черном мулде. Система. Она перестав мои документы в вычислительный центр таможики, где уже хранятся все сведения обо мне, пересланные с лужа. Сведения, тысячу раз проверенные у нас и по крайней мере трижды по документам лужа поллиции. Вред их из моих мексикой колледж чтоинибудь заинтересует в моей секретной переике. Хотя опасность, как говорится, всегда на чеку. Она следуюет, как в жизни, даже в те редкие дни, когда вспоминаешь, что у тебя есть друг, настолько имя, когда проходили по улнкам своего родного города, где тридцать шесть лет назад в семье учителей-историков появился долгожданннй младший сын: за забытым именем моего отца. Это уже в крови: входя в комнату, проверить, кто за дверью, есть ли следожа на уни-

це, даже если ее и быть не может, просмыслится от малейшего шороха — и руку под подушку; за писелото, Смешно!

— Расслабься, — говорил шеф, — снимя напряжение. Ты работаешь на иннов. Хороший совет, только воспользоваться им трудноую. Вот сейчас самый подходящий момент, чтобы расслабиться: мягкое кресло, модный журнал, тишина. Проведите дождливый — и в город, в отель, как вот этот. «Семь футов под килем». Я посмотрел на световое табло над турникетом и невольно вздрогнул: у него не появился мой фамилия. И тут же услышал повторный щелчок, усиленный динамиком: — Пилот Лайк — на дополнительную проверку в комнату номер сем.

И я стоял. Итык, без проверки не обошлось. Ну и что? Итык не в первый и уж, наверно, не в последний раз.

Над комнатой номер семь горел форефик с цветной надписью «Вылетите».

Я толкнул дверь и вошел: ничего особенного — у стены настенный диванчик, два кресла перед столом. А за столом... Вот его уже совсем забыл: с столом сидел мой собеседник из бара, крепким с самым ежиком. Он улыбался привычно, но совсем как добрый знакомый.

— Я же говорил: мы еще встретимся. Сидите. — Он указал мне на кресло перед собой. — Вас я уже знаю. Вы Лайк, пилот с лужа. А меня зовут Тейлор.

Глава вторая, в которой Лайк вызывается на дуэль

— Рад познакомиться, — сказал я.

Вот так штука: мой сосед в баре — титулованный фермер или морис-каботажник — оказался контрагентчиком. И не простым, а главным, так сказать, контрагентчиком номер один. На несколько лет, значит, рубите себя за ошибку, когда она уже свершившаяся факт. Угадал я в этом крепше-борониче что-инибудь поаосариельно, и бы то так просто не отпустил:ლობლა бы никаких общих понесила — вынаслева бы аналогично, как не найтено выдел бы еще разок, а потом еще и еще — все это сблизжает. Сейчас самое время доставать шапга — беваяя стойка, клепко к клепко, выклад справы, укол — ну, что вы хотите?

Тейлор начал первым.

— Рад или не рад, все равно познакомимся. — Полагаю, вы уже знаете меня, и неплохо. — Что значит «неплохо»? Испытываешь и неточную формуловку, карьеру, успех, и мои знания о вас. Что я знаю: документы, бумажки, протоколы. А факты — только вы сами. Поделились?

— Придетесь.

Вот теперь точно придется. Начнем с формальностей. Имя? Возраст? Дожалуйста? Ну, в общем, сами понимаете...

— Чабби Лайк. Тридцать шесть лет. Рабочая на лужа. Отец — бригадир десятого батальона. Матери не помню: умерла рано. Брайвекстер не было: папаша там и не успел жениться — на своего луже не выисывал. Воспитывала меня тетка, сестра отца. Она и хозяйство унаследовала от дяди: хозяйство — дом, небольшое поле, а так — лес корма. Скупили пятнадцать — удрал из дома. Болтался где мог. Грудничком работал, матросом на суперкарактах. Поутулся в Висасую пилотом навигатора: здровья у меня — дай бог, а учиться люблю. Я тогда луже и не собирался пилотом стать: форма префальшела. Знаете, серебро, шпурсы, аксельбанты — было дело. И даже шлепанцы. А потом улетел сюда. Кончил с отлучением, пилотоу не выисдал. Распределили на лужу. Пять лет отлетал — год отпуска. Еще пять лет — еще год. Вот он и меня вперел.

— Думаете, мне хочется слушать эту манину?

— А вы спрашиваете меня? И мне лететь будет ориентироваться, да и вам сведения. Все-таки пожелание, живой разговор.

— Живой разговор, говоритесь? Хорошее предложение. А не странное?

— Не бойтесь, я не шарю, а все же ускорю процесс. — Я выпрямился в кресле. — Сами понимаете, уютливостию она не доставляет.

— Я бы удивился, если б доставляла. — заискивая Тейлор и казался строго: — Волдорс будет моего. Где отец?

— Умер семь лет назад. В прошлый отпуск видел его могилу. Тетка похоронена там же.

— Значит, одинко?

— Выходит, так.

— Привычки?

— Имеете в виду работу? Пожалуй, лужа — единственная профессия, где в охотку работаешь, когда совсемшь или соедьшься с ума. Вот и работаю, как проклятый, от сна да сна.

— Ваши реисы?

— Нет, ну и что. Лужа-лавина — исследование: тельские станции в кратерах.

— Часто бывали в порту Луава-СВК?

— Редко: реисы не те. У меня был грузовой вагон: проводительство, оборудование, иногда топливо.

— Често говорю, не понимаю: что он охоту узнавать? Что я не Лайк? Это проверялось уже не раз после аварии. Все чисто и нуль в добыле — лажива, проводка и оборудование. Скорее бы отдалось, что авария и отпустили меня...

— Насколько я знаю, вы недоделали положенных для отпуски лужа лет?

— Трех месяцев не хватало.

— Почему?

Добрались, наконец. Выдержка. Лайк, выдержка: ты чист, как метеоритный экран туалета какого-нибудь первого класса.

— Расследование аварии?

— Что за авария? Попрошу подробнее.

— Можно и подробнее. В ночном реисе на лажива Луава-лавина. Ставшая станция взорвалась боковой волной. Варья покосил раацию и автоматический пелен. Свободный полет так невозможна: ночная сторона и непромождение обломков снала. Пришлось выбирать на своих лужах реиса, чтобы избежать автареции вала самолета на две ступи. Но, видно, где-то в баблонках произошла утечка, и я слух чресть тридцать часов.

— Делать не понимаю.

— Умеетежусь.

— Жаргон. Киносрощная смерть.

— Теперь умеетежусь Тейлор.

— Нет, я не понимаю, где тут ступ.

— Можете потрогать: жиной. Меня вытешают голды. Понсковая группа.

— Какета?

— Лунокю. Ставили метеороные буи. На меня налетела ступа случайно.

— Куда они вас доставили?

— К себе на станцию. Это в пятистах километрах от нашей «Полеты».

— Как вы себя чувствуете, инк?

— Частю шесть. За мной прислали катер с «Поделтам». Сам Альберт заволаи прибыть.

— Вы его хорошо знали?

— Он же самый знаменитый пилот в этой системе. Пилот в ведущим астрономом Луава-СВК?

— И я встали за вами прилетел именно он.

— Вы не хуже меня знаете, что все это — голкаж.

Тейлор старостился, это видно по его плечам: содрогались, спратались за ресничками. Сейчас выстрелил...

— Бабота о человеке, по-вашему, показула? Твой выстрел, Лайк. Не промакнул.

— Не равнотеи демагоги: если бы я тогда мог двигаться, я бы тоже воспользовался всеозиданной возможностью посмотреть на чужие ресы. — Я так и стоял, а Тейлор продолжал рассуждать.

— Видели больше доброго спасателя из санитарной службы. Это нужно Системе, а значит, и Альберту, и мне, и вам. Вот почему за мной прилетел тот же самый человек, который оказался полдеснее.

И мы это прекращено пожелание.

Тейлор засмеялся неожиданно весело и заразительно.

— А вы итирел, пидревал. У вас не все готово ответ.

— Естественно: меня подзаряжал.

— В чем?

— Вещи окусли, залотулду лаживку — полагался впервые, весь — ожидание. Теперь мысленно поводить, не подсаекать сразу.

— Трудно предположить. Все-таки пять часов у голтыи, мало ли, что могло случиться, если бы не выстрел и отказоу лажива? —

— В-о-ре-и-е-е! — Я не слышал, что они могли со мной сделать? Боли не было, скорее приятное ощущение: какой-то вибрассакс и запах — легкий-легкий, цветочный, как на клеверных лужах.

— Я выгагуна у Тейлора: откнулся в кресле, глазки закрыл, сонливо не слушаю. Но вот я умолю, и он сразу очнулся:

— Нет! — сказал строго: — Волдорс будет моего. Это — оценка лажива на того, что вы мне сказали матогнаторам. Продолжайте.

Продолжение следует.

ВЕЩА 73

Надежда ЖЕЛЕЗНОВА, Мирослава МУРАЗОВ (фото)

ОТДЕЛКА БЕЛЫМ КАНТОМ ЯРКО Контрастирует с глубокими, сочными цветами весенних пальто.

НОВИНКА СЕЗОНА: БРОКИ ИЗ КОЖЕПОДОБНЫХ ТКАНЕЙ.

В

Общесознание Дочь моды, где с помощью искусства Ирины Сувиной и заместителя главного художественного руководителя Вячеслава Зайцева мы «подбираем» рациональный гардероб весны, художники ищут уже в 1974 году: мода-74 получила путевку в жизнь несколько месяцев назад. Как всегда, она результат, предложенный художником 15 республик, 50 домов моды, десятка конструкторских бюро и экспериментальных моделирующих лабораторий.

Значит, Обсуждать о весне 73-го года — все равно, что заглядывать во вчерашний день?

Ирина Сувина не согласна: «Фактор новизны давно уже слит с новостями дня. Никаких резких поворотов в будущем году не случится в моде. Поэтому уже сегодня мы окошко выдвинули 74-го года. Тем более, что художники и вполне научным «испытывают» моду и планируют ее развитие на два года вперед. Поэтому если этой весной мы рекомендуем носить и извещено-легитимные, кеши и дагомы, с элементами спортивности, то, поверьте, и будущей весной они не устареют. Дело в том, что сегодня после нескольких лет помешательства (вспомните... и длины юбок, метание из стороны в сторону наступают, можно сказать...»

— «Золотой век» моды?
— «Век» — сильно сказано, но стабилизация года на два наверняка. Де-монитарность моды — сегодня это не просто фраза, в нашем гардеробе на равных правах сосуществуют разные стили — спортивный, «массовый» и романтический.

— На любой вкус и возраст?
— Конечно. И это разнообразие не случайно. Во-первых, художники стремятся утвердить индивидуальность образа. Во-вторых, многовариантность моды обеспечивает темпальность: сегодня в продаже немало прекрасных шерстяных и шелковых изделий (то наиболее «благородные» матери-

ал для новых предложений моды), шерстяных тканей с фактурной поверхностью, с рыхлой и эластичной фактурой, а также «сухих», жестких материалов типа сукна, габардина. Значительно обновилось и колористическое оформление материалов: весеннее пальто девушки может быть из гладкокрашеных, пестротканых материалов как с рисунком — в клетку, в полоску, в «елочку»; из трикотажных поперек с рисунком. Ну, и, наконец, надо помнить, что мода (в этом ее постоянная особенность) часто обращается к истории, не копирует ушедшую моду, но трансформирует и сегрегация бие образ прошлых лет. Вот и сегодня мастера ищут новые решения приталенных, прямых, полуприлегающих силуэтов, опираясь на идеи 20-х и 40-х годов нашего века. Конечно в это время удобства и практичность одежды ставим на первое место.

— Значит, если можно так сказать, «комфортность» стоит на первом из первых мест?

— Да. И не случайно. Лет пять — семь назад демографы сообщили «Мир молодеет», и мода откликнулась на требования ее молодых потребителей: девушка-поджогом «заставила» и женщины старше тридцати носить не только платья, спортивные ансамбли. А последние данные демографии говорят: более половины процента населения во всем мире составляют 20 — 35-летние. Поэтому героиней моды будущей весны стала «среднелетняя женщина». Это символический образ, означающий, что в стили одежды главными стали простота, утилитарность, сдержанная элегантность...

— Как это комплексно молодого образа влияет на моду молодежи? (Этот вопрос и адресовала Славя Зайцева, художнику, много сделавшему для создания самостоятельной молодежной моды.)
— Молодые, — сказал Зайцев, — мы равнодушно относимся к новинкам одежды: не просто фирменные ансамбли (их предпочитают женщины старшего возраста), а комплекты легко выра-

доующихся блуз, туник, джемперов, миллетов с броюрами... Всегда моден трикотаж. Он вне сезонной моды, потому что удобен и в будни и в праздники. Но «сладчайшими» трикотажи — изделия из облегающих водолазок, безрукавок, миллетов, джемперов — все стало более нежесткими, мягким. Не болше тавтологий, скажу более «трикотажным». Очень интересно работает Общесоюзный Дом моделей трикотажа, предлагающий на этот и на будущий год комплекты юбок с вязаными и болшини джемперами в приглушенной, насыщенной гамме бежево-золотистых, сливочных сине-серых и голубых оттенков. Пластичные нежесткие ансамбли художника Ирины Рябинниковой. Трикотаж хорошо варьируется и с легкими блузками из шелка, батиста, мами. Интересно, что популярность, несомненно не повредила позиции платья в модоведении газдеробы. Платье с мягким лифом и лег-

ким напуском из тканой креповых структур или шелка. Нежесткие платья с защипами, воланами. Спортивно-деловые платья с юбками носого ириса или в складку. Все это подчеркивает свободу, зависящую в одежде. Добавьте к этому большое разнообразие покроя рукава — рубашечный, цельнокроеный, химмано, с низкой проймой, «фенарие, крыльчатый», — и вы согласитесь: мода дает каждому шанс прожить свой вкус!

— А каков должен быть демисезонное платье этой весной?

— мода предлагает и здесь многовариантность: блонд, с пальто спортивного стиля (принтаженного или популярного силуэта) из «сухих тканей», с просторной по четкому контуру юбкой — новое платье — «палатин», «трапеция» — более объемные, с расширением от талии, с новой формой низа шитого рукава, тоже объемного, на узком, длинном манжете. Но эти кошества, подчеркнуто, мы рекомендуем только мо-

СПОРТИВНАЯ ПРТАЛЕННАЯ КУРТКА ИЗ КЛЕЧЧАТОЙ ШЕРСТИ ПРИШЛА НА СМЕНУ ТРАДИЦИОННОМУ МУЖСКОМУ ПЛАЩУ.

МОДНЫЙ СИЛУЭТ ПЛАТЬЯ-ТРАПЕЦИИ С УКРАШЕНИЕМ В ВИДЕ ДЛИННОГО БАНТА-ТАЛСТУКА.

АНСАМБЛЬ ИЗ КУРТКИ С РАСКЛЕШЕННЫМИ БРЮКАМИ.

ПЛАТЬЕ ДЛЯ НЕВЕСТ УКРАШАЕТ БЕЛОСНЕЖНЫЙ КАПОШОН.

Через месяц на соревнованиях в Ерване Рабчинская выигрывает у Пинаевой 1,6 секунды. Через неделю соревнования в Минске. Рабчинскую у Пинаеву делит фотографий! Как бегунов на 100 метров. У Юли — вынос весла, у Люси — весло в воде, она первая. Счет встреч, учитывая официальные и контрольные соревнования, стал 3:2. Без реванша чемпионат СССР в Житомире. По традиции без видов спорта первый получает безоговорочное право выступления на Олимпиаде. Для прощания Рабчинской подул сильный порывистый ветер. Юля знала, как много зависит от чемпионки, и она старалась серьезно. Только специалист может понять, что застрелится под ветер. Пинаева делает 108 гребов, Рабчинская — 128. Больше поднимает лопасть, чаще встретилась с ветром. На финише Рабчинская проиграла 0,1 секунды. Счет 3:3, и преимущество Пинаевой. Правда, за Рабчинской признали право выступать в любую погоду. И все равно приважила продолжаться. В Румынии на озере Снагов против встречного ветра Рабчинская выигрывает у Пинаевой 0,8 секунды. Выиграла и погребла между камышами, поджидая на будущих соперниц: встретились ли еще?

А дома разговоры не прекращались: «Варут переигреть?». Через неделю соревнования в Венгрии. Середина пробовала возражать, ее не послушали: «Ничего, молодая, нусть укрепится нервы». Рабчинская снова была первой, выиграв у сильнейшей гонимцы мира Прейфер 4 секунды.

Через неделю еще одна гонка — в Ковенганге. Третий соревнование подряд. Что делала? Тренировалась. Отдыхала? Юля разгуливала и пела. Потому что, когда ей трудно, она расходится весельем. Нрав ее — стараться и веселый — знает по душе. И поэтому друзей у нее предостаточно. Чем ближе старт, тем она серьезнее, ходит по вечерам и тихо плачет.

На соревнованиях в Дании еще одна встреча с Люсей Пинаевой. Юля выиграла. Там же было объявлено: «Рабчинская в одиночке, Пинаева в двойке».

Воспоминанье это. Юля по-старшему задумалась: «И так приважила и так: хоть круть-верть, хотя верти-круть». Есть такая украинская поговорка, согласно ей пришло время Рабчинской. И все равно она еще одна приважила. И опять она выиграла 1,2 секунды. Счет стал 6:3.

Что сказать, что труднее для упрямой Середины — организовать этот спор и выжить на борбах или выигрывать и положить на плечи олимпийской судьбы одиночки? Той байдарки-одиночки, что старшанин Демьяненко, Серединой и Пинаевой ни разу не проигрывала с 1956 года. И спросил Юлю: «А ты что соображалось получить в Мюнхене?» «Как что? Золото!» — еще зарыкнула на меня: «но те на, говоришь, говоришь, а неужели не ясно!»

Рабчинская и Олимпиада

Вот и пришла ее первая Олимпиада. 5 сентября 1972 года она пробовала веселить олимпийскую аудиторию. Помните, ровно пять лет назад в этот же день Юля впервые села в байдарку.

Уже в предварительном заезде она показала абсолютно лучший результат. Зато у полуфинала не торопится. Середина метется на берег, остается 5 минут, а корма Южной лодки гуляет по заводу. Тем, кто не знает правил, Юля как надо подает к плоту, и специальный

судья придерит ее до момента старта. Все выстроилось, а Юля еще обтирает лицо. Середина ей потом выговаривала, а та выматывала глаза: «А! но вы волонтеры, а все видели!» После полуфинала к Серединой подхлонули, показывая секундомер, пожимали плечами: «Что с Рабчинской?»

К Юле теперь ощущение: будет очень трудно. Теперь она успокаивала Середину. В день финала Юля проснулась в 6 утра. Давно прошли времена, когда вставала она с первыми петухами, а тут вдруг ни с неба ни зарю. Посмотрела на часы и вскочила дом. Выйти бы сейчас бодой по росе на спортивную соляну, не думая ни о чем. Юля в Минусинку на водную станцию. Причмысь, растолкать спорозма и поплыть по реке, купаясь в ранним туманом.

Юля вздохнула и позавидовала Середине, поспавшейной на соседней койке. Погодажалась, не знала, куда себя деть, и разбудила тренера: «Расскажи что-нибудь». Юля Юля, истерившаяся надо, а ты слава тебе захотела! Середина начала массировать ей плечи, успокаивала, рассказывала. Забылась Юля. Затем умялась в стоголову. Это ее хочется. Поблизилась молока и обратно. А на часах только 7.30. Спохватилась: «Ой, пора ехать». А финал ровно в 11.

Прехвалила на канал. Середина плыла натрагет, а Юля сидит в теночке, мурлычет что-то. Мимо по спокойной воде накатываются байдарки. Увидела красную майку, услышала восторженный крик: «Светлана Винит, Шапоронок, а значит, кричат чемпионку. И почувствовала, как затрясло ее. Спасибо зашедшей Нине Головой, объявила, ушла в сторону, затворила побоканими. Юля как в бреду шагает и сама себе шепчет:

«Ну, чего ты волнуешься? Все будет в порядке. Лишь бы не фальстарт. Ты успокойся же...»

Вышла к доке. Подходит Середина, как струна напряглась, а голос вожаками держит, чтобы не сорвалась, и Юля ничего не заметила. Скачала: «Все в порядке». На берегу, выдать, не хватало.

Села в лодку и еще подумала: «А ладно, сделала фальстарт, разряжусь». Выстрел! Как задала она темп, как затворила 192 удара в минуту! Подуть только — сплошное колесо рук и лопастей. 250 метров — первая, 300 — первая... Ну, сколько можно держать этот сумасшедший темп? И что-то лопнуло у Юлиной кругороте.

Совсем маленькое, заметное только специализмам. Середина это не видела. И Юля никак не вспомнит свои ощущения: «Что-то сжимает меня, сковано, чувствую, сводит ноги». «А раньше у тебя было так?» «Нет. И было засыпано, и засыпало...» Оставалось 50 метров, как-то два пролетела. А сади наступают. И вдруг она спохватилась: «Госнодия, ты по же!» И как во сне ушла: лопасть гонг. Еще гонг. Еще. Это приближали те, кто остался сиди.

Что такое времяотсчет в 0,9 секунды перед вторым местом? Мгн, за который и слова не скажешь. На финише этот миг превратился в четыре метра размыта — самого быстрого из семи финальных заездов ХХ Олимпиады.

Юля ходила по берегу. Ее обнимали. Целовали. А ей не верилось.

«Чего вы плачете, бабку?»

В украинских селах неписаный закон. Отец и мать так называют не «мама». Нет, не отдалившее-казенно, но подчеркнуто подобострастно,

а с глубоким уважением к людям, которые дали жизнь и ведут по ней.

Когда Юля вернулась с первенства СССР на станице тех встречных отец. «Ну, як там, дочка? Слыхали мы тут радио. Ничего про тебя не сказали. Наверное, проиграла?» Юля кивнула: «А. Тогда самый главный болельщик заплакал».

— Чего вы плачете, бабку? — Та як же, стільки робила.

Заплакала старый рабочий, потому что знает цену труду. И знает, как умеет работать дочка — его кров.

В олимпийский сезон Юлю принимали в комсомол. Так уж получилось, что в школе у нее было две тройки (одна, между прочим, по физкультуре), а школа образованная, и ей отставали. А позже комсомольские организации начали приглашать ее. Этот вопрос встал перед Олимпиадой. Как перед боссом. Какую премию Юля проигрывает контрольные соревнования. Твардо сказала комсомору: «Вступать сейчас не имею права. Сборную СССР подводить не могу. Прому мешок отсрочки». После чемпионки страны, когда ее принимали, заверила: «Будь я буду в Мюнхене, выиграла обязательно!»

Еще до Олимпиады засобралась в институт. Поджала себя на том, что не хватает знаний, даже в разговорах с подружками. Вернулась из Мюнхена и тут же села экзамены. В начале октября заслуживший мастер спорта Рабчинская прилетела в Москву получать орден. В Кремль они поехали вдвоем с Серединой, и еще получили «Знак Почета». Почетом отмечен труд спортсмена. Почетом отмечен труд тренера. Вольнолюбивая, вернулась из Кремля и тут же спросила у Серединой: «А что будем делать завтра? А послезавтра? Спорей бы в лодку».

Фото Юрия МОРГУЛИСА

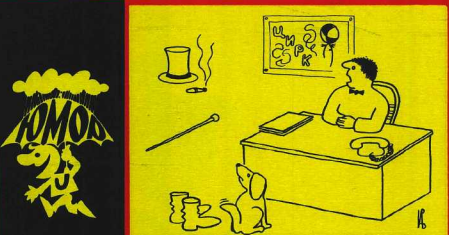

Рисунок Игоря ВОРЬБЕВА
— МНЕ КАЖЕТСЯ, ВАШ НОМЕР НЕСКОЛЬКО СЫРОВАТ

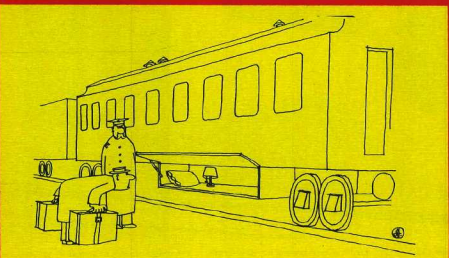
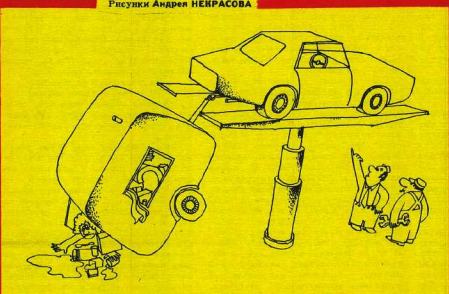

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

«ЗОЛОТО» МАРТЫ ШУЛЬ

Рисунок Константина МОШКИНА

**ЧЕМПИОНКА МИРА
ВЕРНА СЕБЕ**

Егорю десятилетие своего шахматного «царствования» чемпионка мира Иона Гейландини открыла новыми большими достижениями. На турнире сильнейших шахматистов континента в югославском городе Врбанича-Вана она одержала убедительную победу и завоевала Кубок европейских чемпионов.

Примером глубокой, целенаправленной игры Ионы Гейландини является ее партия с одной из основных соперниц на соревнованиях во Врбанича-Ване, обладательницей Кубка чемпионки Европы 1971 года, известной венгерской шахматисткой Лужей Вереси.

21. f4:e5 06:e5 22. a3:g4
 Сд4—e8 23. Лf2:f6! 27:—f6
 24. Лf1:f6 24:c3 25. Сd2:c3
 Кd7—h4 26. d4—d5 Кd8—h8
 27. d5—d6! Фc7—c5 28. Фe3—h5.
 и черные капитулируют.

КРАСИВАЯ АТАКА

Эффективная комбинация завершилась борьба в решающей позиции латвийского чемпионата Москвы 1972 года между Иной Медниной и Людмилой Велицей. Красивая атака и взорвалась международной мастер И. Медниной в третий раз завоевала первенство столицы.

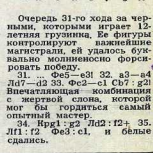
Это положение возникло после 11-го хода черным. Наступательная операция белых на королевском фланге развивается на редкость стремительно.

12. Сd1—b6 Кd8—e5 18. Кf3—e2 Кe5:c4 14. Сd3:e7! Кр8:g7 15. ... Фh4:g7—h7
 Кр7:g8 16. e4:f5 Сd7:f5 17. Лa1—e1 Жертвуя коня, Ина Медниной отрезала черному королю путь вступление.

18. Кр6:g5 18. Кc3—e4+ Сf5:e4 19. h2—h4+! Черные сдались, но мат неотвратим.

МАЯ ЖЕРТВУЕТ СЛОНА

В инвариант заиме кинислуге в Нишине на чемпионате СССР среди школьников сдвинулись лучше юные шахматисты и шахматистки. Вот такую запоминающуюся комбинацию создала Майя Чибурданидзе из Грузии в партии с украинской спортсменкой Еленой Пальчишской.

Очередь 31-го хода за черными, которые играют 12-летняя грузинка. Ее фигуры контролируют важнейшие магистральные пункты, особенно мощно — королевского форта.

11. Фe5—e3 32. a3—g4 Лd7—d3 33. Фc2—c1 Сb7—g2
 Выжидательная комбинация с жертвой слона, которой мейб борется самым благоприятным образом, каковы опытный мастер.

14. Крd1:e1 15. Сd2:e3 16. Лf1:f7 Фd3—f1, и белые сдались.

**ПОД РЕДАКЦИЕЙ МАСТЕРА
ВИКТОРА ЛЮБИМИНСКОГО**

Вот такая позиция сложилась после 29-го хода белых. Интересно проследить, как искусство, «технику» чемпионки мира, игравшей черными, добивается успеха в, казалось бы, равном тактическом положении.

29. Кf7—h5! 30. g4:h5 31. Кf3—h4 Сd8—g4 32. Кf4—e1 f6—f5 33. Кe1—e2 34. f7—f6 34. c4—c3 34. f4:c3 35. Крb3:c3 Сg4—d1 Небольшое количество фигур на «анале боя» отнюдь не помещалось черным активизироваться и «завладеть» в тылу королевские слабо охраняемые пешки.

36. Крb3—e1 Сd1:c2 37. Кe5—c7! Крe7—f7 Крe3:c2 f5—f4 38. Сg3:f4 Сf6:h4 40. Сf4—e3 Кc6—b4+ 41. Крe2—h3 Сh4—h3 Как быстро удалось черным сконцентрировать все свои силы! Пройдет еще несколько ходов, и оборонительные ресурсы черных будут исчерпаны.

42. Сd8—f4 h5—h4 43. a2—a3 Сd8—e7 44. Сf4:c7 Кb4—e5 45. Кf3—d4 Кd7—e6 46. Крe4—e5 Кc3:d4+ 47. Крe5:a5 Кd4—c6+ 48. Крe4—h5 Кc6—e5 Белые сдались, так как фланговую проходную пешку задержать невозможно.

С лучшей стороны проявила себя молодая в кандидате латвийского чемпионате Советского Союза. Турнир состоялся в Таллине. Золотая медаль досталась 22-летней шахматистке из Ляны Марте Шуль, которая за последние время добилась на шахматной арене значительных успехов: она серебряным примером европейского первенства, затем на турнире в Буманин «арбитраж» титулу международного мастера и вот, наконец, стала чемпионкой страны. Причем чемпионат был на этот раз не простой, зональный — отборочный к мировому первенству. Победа в таком турнире особенно почетна. Хорошую игру продемонстрировала на соревнованиях в Таллине та же молодая шахматистка, как москвичка Наталья Копольева и 18-летняя ленинградка Ирина Лештина.

Такая ситуация возникла после 29-го хода черных в партии, которую новая чемпионка СССР играла со Сесатоном Марте Шуль, игравшая белыми. Комбинированно провела атаку на королевскую сторону соперницы. Обязательно запомнится элегантно жертва качества, разрушительная подготовка к черному королю.

ЖЕЛАЮ ВАМ

Слова Роберта
РОЖДЕСТВЕНКОГО
Музыка Юрия ГУЛЯЕВА

Дождинка малая
На землю капнула,
А мы не встретились,
Что было — кануло.

Что было — не было,
Что было — сгинуло,
Прошу за все простить меня.

Как тихо в комнате,
Как пусто в комнате,
И мы лицо к лицу
Не сразу вспомните.

Потом забудете,
Совершенно забудете,
Прошу за все простить меня.

П р и в е т:

Желаю вам всегдашней радости
в судьбе,
Желаю вам всего того, что вы
желаете себе,
Желаю вам одних счастливых дней
в году,
Прошу меня не узнавать, когда во
сне я к вам пращу.

Над зоревой землей
Дожди проносятся,
На зоревой земле
Тропичек алконостов.

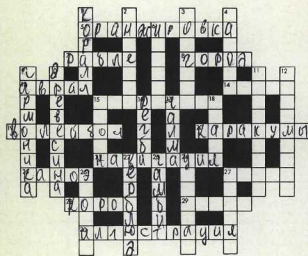
И мы не встретились,
А если встретились,
Прошу за все простить меня.

Дождинка малая
На землю капнула,
А мы не встретились,
Что было — кануло.

Что было — не было,
Что было — сгинуло,
Прошу за все простить меня.

П р и в е т.

СВОБОДО . . . . . п.р. Рубинин.

КРОССВОРД

Составила Р. ИРМЕНКОВА, г. Уфа

По горизонтали:

- Изложено музыкально произведение в виде партитуры.
- Французский писатель эпохи Возрождения.
- Административно-территориальная единица.
- Выполнение всей командой работы на сцене.
- Цветок.
- Визуальная музыкальная пьеса.
- Спортивная игра.
- Пустыня в Средней Азии.
- Судоходство, мореплавание.
- Гребная спортивная лодка.
- Рассказ из «Замосковской охотничья» И. С. Тургенева.
- Изделие из луба, бересты.
- Декоративное растение.
- Рисунок в тексте книги, журнала.

По вертикали:

- Морское мифическое, род палачов.
- Роман О. Гончара.
- Советский летчик-космонавт.
- Повесть В. Васильевой.
- Музыкант.
- Музыкальный инструмент.
- Песня.
- Возмущение, возмущение.
- Плотная лыжная ткань.
- Рассказ М. Горького.
- Спортивная игра.
- Восточный галловый убор.
- Областной центр в Румынии.
- Домашнее животное.
- Начало шахматной партии.
- Город в ГАР.
- Электроннолучинный материал.
- Род финнуса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

- Радищев.
- Львинки.
- Талии.
- Семьяныч.
- Ординатор.
- Казань.
- Открытки.
- Теорема.
- Гусличьево.
- Гимнура.
- Крейсер.
- Триод.
- Столетник.
- Буландина.
- Изюм.
- Оцелот.
- Каме-рун.

По вертикали:

- Маховин.
- Гепарин.
- Быстрота.
- Винер.
- Озанин.
- Табак.
- Шань.
- Таль.
- Равин.
- Тилотса.
- Черинго.
- Угнерод.
- Беснико.
- Тристан.
- Джукуга.

